

Юрий Грум-Гржимайло

Вебсик

История первая. Испытательный срок —
История вторая. Мозаика на полу

Юрий Грум-Гржимайло

**Вебсик. История первая.
Испытательный срок – История
вторая. Мозаика на полу**

«Издательские решения»

Грум-Гржимайло Ю.

Вебсик. История первая. Испытательный срок – История вторая.
Мозаика на полу / Ю. Грум-Гржимайло — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-852876-7

Маленький, тихий, затерянный в горах поселок Загорный в XXIII веке оказался в гуще событий. Недалеко находится аномальная зона, а в самом поселке с детьми подружилось загадочное существо, само предложившее называть себя Вебсиком. Юрий Кивин со своим лохматым другом цвергшнауцером Пусем решил поселиться тут, рассчитывая на спокойную жизнь для работы и творчества, а вышло все наоборот. В клубке событий для героев фантастического сериала «Вебсик» переплелось далекое прошлое, настоящее и будущее.

ISBN 978-5-44-852876-7

© Грум-Гржимайло Ю.
© Издательские решения

Содержание

История первая. Испытательный срок	6
Так все началось...	6
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	10
ДЕНЬ ВТОРОЙ	17
ДЕНЬ ТРЕТИЙ	27
ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ	41
ДЕНЬ ПЯТЫЙ	45
ДЕНЬ ШЕСТОЙ	52
ДЕНЬ СЕДЬМОЙ	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вебсик
История первая. Испытательный срок
– История вторая. Мозаика на полу

Юрий Грум-Гржимайло

© Юрий Грум-Гржимайло, 2017

ISBN 978-5-4485-2876-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История первая. Испытательный срок

Так все началось...

Дорогой читатель!

Я долго сомневался, стоит ли предавать гласности эту историю. Что-то я уже подзабыл, поэтому мне пришлось отыскать кристалл записи домашней хроники и буквально по шагам заново все пережить. Я не писатель, сразу говорю, хотя в те времена я серьезно хотел уехать в тихое место и написать книгу, только совершенно о другом.

Я знаю, что кто-то мне не поверит и кинется искать на карте места, о которых пойдет здесь речь. Но дотошный читатель может и найдет на современной карте под Псковом платформу Соловьи, но это не то. Когда-то этот поселок и платформа местной одноколейки назывались Сандугач, что в переводе с татарского на русский – Соловей. Находились они вовсе не под древним русским Псковом, а гораздо дальше, на востоке, куда не дошло активно наступающее на материке море, но мощные землетрясения и природные катаклизмы начала прошлого века создали среди былых возвышенностей совершенно новый рельеф местности, возникли новые русла рек, новые озера, поднялись новые горы... Земляне пережили этот период, избегая опасных районов, которые стали практически безлюдными, если не считать редких научных экспедиций.

Когда все стихло, то люди стали заново осваивать и обживать те места, возрождая уцелевшие перед натиском стихии поселки. В их числе был маленький поселок Сандугач с одноименной платформой. Я там отдыхал много лет еще в юности, когда она еще станцией была с деревянным двухэтажным вокзалом, покрытым черепицей. В местном обиходе станцию называли и синонимом – «былбыл», намекая как бы и на то, что она была тупиковой веткой перед тоннелем горной одноколейки. Поезд приходил и уходил с нее обратно. Русское название-перевод «Соловей» закрепилось позже. Места там – ух, какие! Грибы, ягоды – само собой, а какие прогулки по горным тропинкам, какое озеро с водопадом... Все было бы хорошо, если бы не попало это место в зону временных аномалий при первых экспериментах со временем и телепортацией в Церне в 22.. году и рядом со станцией невесть откуда возник кусок средневековой крепостной стены с воротами в башне, да и много другого возникло. Щебнедробилка, например, с экскаватором. Отродясь тут щебень не дробили, хотя и горы кругом. С тех пор это место «закрыли» и только на специальных картах обозначали. Все эти подробности я, конечно, знал, но желания купить дом именно в Соловье они не отбили.

Агент по недвижимости, здоровенный рыжий малый с маленькими круглыми глазками над щедро награжденным веснушками носом, услышав про мои намерения, бодро заводил пальцем по планшету.

– Сожалею, но в Соловье предложений нет, – наконец сказал он.

– И аренды нет? – спросил я.

Агент почесал нос.

– Вообще-то я местный почти. В 10 километрах от Соловья поселок, слышали, может? – он назвал поселок, который мне действительно был знаком по прошлым временам. – Из Соловья все переехали в долину, там сейчас остались только станция, та стена с воротами да щебнедробилка, которую уже лет пять никак не разберут... Из долины до Соловья автобус ходит и подвозит к поезду. Там даже билеты не продают – вокзал закрыт.

– А вокзал цел, что ли? – поинтересовался я.

– Цело все. Как законсервировано, даже не гниет нигде. А народ боится.

– Еще бы, – согласился я.

– Я вам вот что предложу... – агент поелозил пальцем по планшету. – В «Загорной» есть дом. И не дорого. У старого замка.

– Замок, что тоже из того хроно? – спросил я. Про станцию «Загорную» и поселок Загорный я знал, от Соловья минут 15 на поезде по тоннелю, но в памяти в деталях это место как-то не отложилось у меня.

– Нет, замок исторический. Да одни развалины. В Загорной хроно не было. Чистое место. Дом крепкий, горный, камень и дерево... Я вам оставлю материалы, посмотрите, подумайте.

Агент сбросил мне на флешку файлы и ушел, а мы с моим цвергом Пусем стали думать. Думали ночь и наутро решили-таки купить дом.

Три дня ушло на преоформление покупки. На четвертый день с ключами в кармане и с Пусем на поводке я стоял на перроне городского вокзала и ждал «дизель» до Загорной. В моей юности такие маленькие составчики из двух-трех вагонов с мерно стучащим дизельным мотором тут ходили. Тут, в стороне от суперсовременных межконтинентальных пневмомагнитных трасс время остановилось, и от вокзала отходили порой настоящие музейные экспонаты. И сама дорога – никаких труб и желобов, старинный рельсовый путь со шпалами и щебеночным балластом... Наверное этот «дизель» был в их числе – выглядел он внешне почти так же, как во времена моей юности – пара сцепленных вагончиков. Только звука мотора слышно не было – видимо, стояла современная силовая установка. Водителя тоже не было, автоматика.

Агент собирался подсесть к нам в Соловье и проводить к дому. Там, после окончательного осмотра, мы с Пусем должны были подписать все бумаги и стать домовладельцами. Собственно, им должен был стать я, у Пуся была своя «методика» отечания новых владений. Наряду с домом ему предстояло принять к охране 10 соток участка.

Народу ехало мало. Пуся забрался по обыкновению ко мне на колени, немного посмотрел в окно на поплывшие назад станционные постройки, зевнул и устроился спать. Тряска на стрелках быстро сменилась мерным перестуком давно знакомой одноколейки. До Соловья было минут тридцать езды, я смотрел в окно и узнавал знакомые места.

По расписанию состав стоял в тупике в Соловье всего две минуты, и выйти хотя бы пробежаться по любимым местам не было возможности. Я твердо решил, что специально приеду и посмотрю все, что тут случилось. Заодно поиграюсь с биолокатором, который мне рекомендовали брать с собой на прогулки по местам аномалий. Хотя мне он был и не особо нужен – лучший биолокатор мирно спал на коленях. В плохое место Пуся не пойдет – уже проверено не раз.

Наконец поезд затормозил перед тоннелем и поехал в обратную сторону, сворачивая на ветку к Соловью. Агент уже ждал на платформе и сразу присоединился к нам.

– Как добрались? – приветствовал он нас.

Пуся повилял ему хвостом. Я пожал руку. Мне хотелось повнимательнее рассмотреть здание вокзала станции, оно выглядело точно таким же как почти два десятилетия назад, только все окна закрыты и внутри не видно было занавесок. Но вагон уже тронулся дальше.

Всю дорогу в тоннеле агент рассказывал мне, как еще мальчишкой лазил по возникшим в Соловье строениям, пока все не оцепили военные и местных не переселили в долину.

– Там если смотреть боковым зрением, то марево у стен было видно при низком солнце, – говорил он. – А так – камни как камни, ничего особенного, все очень крепкое, на века строенное. Обладеть конечно – был пустырь, и вдруг за ночь – нате вам – стена крепости с башней и воротами.

– А елки? – спросил я, вспомнив их у стены.

– А елок не было. Это мы потом их посадили для прикола, как оцепление сняли и это место объявили безопасным. Думали туристов водить. Но они чего-то не особо в наши края

рвутся. Только экстремалы, да первое время всякие «пророки» валили. Пытались откалывать кусочки стены на память – ни фиги. Даже написать на ней невозможно, первый дождь все смоем. Полностью антивандально. Ну и интерес угас довольно быстро. Теперь только ученые тут тусуются постоянно.

– И вокзал тоже антивандальным стал? – поинтересовался я.

– И он заодно. Правда, не весь. Один угол у него вроде обычным остался, как говорят. Но не знаю точно.

Мы помолчали. Вагон грохотал в тоннеле, за окном в темноте пролетали редкие фонари на бесконечной бетонной стене. На табло уже зазеленела надпись «Загорная».

Я пропустил момент, когда «дизель» вынырнул из тоннеля и почти сразу затормозил у маленькой платформы. Приехали.

– Советую подождать минут десять, – сказал агент. – Поезд уедет обратно и можно отсюда хорошо осмотреться.

Так и сделали. Через десять минут я оценил красоту открывшегося вида. С другой стороны платформы было небольшое, но чрезвычайно живописное озеро, с маленьким галечным пляжем и видимо водопадом, шум которого доносился от железнодорожного моста. Справа – гора с развалинами замка. У платформы стояло прекрасно сохранившееся здание гостиницы со смотровой вышкой, на стене которой была камнем выложена цифра «1896», тут же был двухэтажный дом с магазином и поодаль пара частных домов. Тишина, покой и горный воздух. И не чувствовалась жара при +32 в тени. На склоне горы была видна тропа. Идиллия, да и только.

Мне это вполне подходило – хотел поработать над книгой, пописать, может, стихи. Писал же когда-то.

– Вон там наш дом, – агент показал рукой на вершину горы. Приглядевшись, я увидел на ней площадку, на которой стоял маленький отсюда дом. К нему по склону серпантинном вела лестница.

– Пойдем пешком или вызовем квадрокоптер? – спросил агент.

В горных районах были созданы службы коптеров, которые доставляли и грузы и людей. Но мне что-то не захотелось лететь. Пошли пешком. И не напрасно. Долгий подъем сполна окупился красотой открывавшихся видов. Нет, мне все больше хотелось тут жить! С нами со станции увязалась местная собачонка, с которой Пусь установил прочный контакт. Подъем занял часа полтора. Погасив брелком ключа запищавший зуммер силовой ограды, мы прошли к дому.

Судя по тому, как Пусь прошел в открытую дверь, дом ему понравился. Никакой обстановки внутри не было, но слегка пахло ремонтом. Мы обошли его от подвала до чердака, комнат было много, больше, чем нам надо на самом деле – все-таки это был двухэтажный дом для большой семьи, а не для одного человека с собакой, и это сильно смущало. В большом пустом доме одному жить трудно. Но на перестройку его мне денег не хватит. Надо было решать и быстро.

– Ну из большей площади всегда можно сделать меньшую, – сказал агент, выслушав мои сомнения. – Да и если подумать, то применение можно найти. Скажем для туристов.

– Я не хотел бы заниматься бизнесом. Мне нужен дом для себя и работы.

Агент подумал, потом отошел в сторону, связался с кем-то, поговорил и сказал мне:

– Можем скинуть процентов двадцать от цены. Если надумаете перестраивать, то этого хватит. У вас по закону есть еще две недели на отказ, если что окажется не так. Но все изменения только через две недели.

Я прикинул и согласился. Через полчаса мы с Пусем стали домовладельцами и проводжали взглядом квадрокоптер, уносящий нашего агента к новым клиентам. А нам предстояло получить мебель, контейнер из города с личными вещами и просто обустроиться на новом

месте. Я засел за панель домашнего терминала формировать запросы и заказы, а Пусь в компании местной собачонки отправился на участок.

Было уже далеко за полночь, когда прибыл последний заказ (кровать и шкаф в спальню), робоносильщики его поставили на место и улетели с коптером. Я подумал было про необходимость пожевать что-то из «меню новосела» и покормить Пуся с его компаньоном, как дом мягким голосом пригласил меня пройти в кухню-столовую и взять из автоповара ужин. Вообще его система оказалась очень на высоте. Она не только помогла грамотно сформировать заказы на мебель, план ее расстановки, но и руководила носильщиками, в результате чего мы с Пусем получили очень уютную спальню, рабочий кабинет, гостиную, спортзал и столовую, не говоря уже о ванной и бассейне в подвале. Остальные комнаты решили пока не трогать и задрапировали их входы. К моему удивлению, в кухне я нашел двух сытых псов и две миски с чистой водой на полу.

При виде меня Пусь вскочил и полез целоваться. Второй пес (вроде это девочка, надо присмотреться) был более сдержан в эмоциях, но тоже вилял хвостом и приветливо «улыбался». Похож он был на метиса терьера, мордаха очень даже симпатичная, черного окраса, помельче Пуся.

– Ты уже покормился? Поел? – спросил я пса, лаская его за уши.

Пусь довольно облизнулся.

– Две особи накормлены – сообщил дом. – Две порции корма «Канис стар», гарнир курицы и вода родниковая.

– Спасибо, – ответил я. И тут меня прошибло – откуда дом про курицу знает? Спросил:

– А кто просил курицу?

– Особь Пусь – тут же ответил дом.

– Пусь, ты смог заказать курицу?! – изумился я.

Пусь лизнул меня в щеку, а дом ответил за него:

– Он излучал желание, по спектру близкое к курице.

– Вторая особь тоже излучала такое желание? – с ехидством осведомился я, лихорадочно начиная соображать, в чем дело. Умный дом – это вполне привычная вещь, но она не понимает эмоций. А тут что-то не то. Тут слишком умный дом. Не в этом ли причина того, что он так долго продавался? Я как-то не обратил внимание на модель системы умного дома при чтении документов, вроде она была вполне стандартной – отопление, обстановка, отходы, вода, энергия... Ладно, выясним.

– Вторая особь не имела желаний, – ответил дом. Иронии он не понял.

– А меня что ждет в автоповаре? – спросил я.

– Вас ждет ужин, – просто ответил дом. – Бифштекс с картофельным пюре, салат и витаминный напиток.

«Хорошо, что не сахарная косточка», – подумал я. Вслух же поблагодарил и взял из шкафа повара контейнеры с едой. Все оказалось очень вкусно, плюс еще включил тихую музыку и решил не торопить события. Собственно никакого криминала тут не было. Корм «Канис стар» для псов я заказал сам, курица входила в набор заготовок для автоповара, странным было только чтение пусячих желаний, впрочем я и сам их научился читать неплохо. Шесть лет жизни с цвергом научат его понимать с полуслова...

Спали мы тоже очень неплохо, с открытым окном, на потолок ночник проецировал звездное небо, только пуськин компаньон сперва не признал свою лежанку и устроился поначалу около двери, которая начала от его присутствия открываться-закрываться. Пришлось его переселить под окно. Но он понял очень быстро. Смешливый кажется. Или это все-таки «она»? Все, уснули.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Утром я проснулся рано. Посмотрел с кровати вниз. Пусь со своим компаньоном дрыхли на спине, раскинув лапы, в одной лежанке (увы, это таки девочка, «она», вот и назову ее «Оной», «Онкой», решил я), лучи солнца уже окрасили стену в такой нежный розовый цвет, что глаз не оторвать. Я встал и подошел к окну. Со второго этажа из окна спальни была отлично видна вся старая крепость, серые стены которой тоже местами казались розовыми. Я смотрел на ее развалины, на могучие формы крепостной башни, на остатки некогда неприступных стен...

Псы проснулись. Я несколько раз погладил Онку по голове и спинке, произнося ее новое имя, кажется, она быстро поняла. По крайней мере «Пуся, Она, гулять» ими было воспринято на «ура». Онке надо еще ошейник заказать сегодня, пока второй пуськин ей надел... Короче, нас теперь трое.

– Доброе утро, – мягко произнес дом.

– Доброе, – приветливо согласился я. Е-мое, что это все мне такое знакомое напоминает?

Прямо как у Саймака или Кларка в его «Одиссее».

– Дом, назови свою модель и спецификацию.

– УД «Комфорт», спецификация «стандарт».

Хм, такая как у меня в городе была. Ничего особенного. Без чтения собачьих желаний, точно.

– Дом, в твою программу вносились изменения?

– Да.

Вот оно что. Теперь надо аккуратно выяснить кем и какие. Аккуратно, чтобы защита не сработала. Это уже за терминалом надо будет посидеть. Ладно, это позже.

Псы скатились по лестнице и крутились около входной двери.

– Дом, выпусти гулять Пуся и Онку.

– Вторая особь имя Онка?

– Да. Она живет с нами. Зарегистрируй.

– Выполнено. Внесено в реестр. Выпускаю.

Немного постоял, наблюдая как псы радуются утру и воле. Воздух был холодный и тугой, хоть ножом режь, росы не было. Обошел вокруг дома. Снаружи он казался не особо большим, я зашел под навес, потрогал пересохшие от времени дрова в поленнице, потом посидел на скамейке, где под слоем краски проступали какие-то вырезанные инициалы. Кто-то кого-то ждал тут, кого-то любил... В файлах про историю дома было совсем немного. Построил его для своей большой семьи зажиточный кузнец, да ушел на войну, еще Первую мировую в начале двадцатого века, и не вернулся, потом другие хозяева были, но все это было там, внизу, а вот как дом оказался рядом с замком и когда?

– Дом, – попросил я, – расскажи историю своего переноса на это место.

Дом не ответил. Очевидно, за его стенами функция диалога не работала. Ладно, позже спросим.

Внизу из тоннеля выполз пассажирский скорый. Я знал этот состав, он утром и вечером обходил по кругу одноколейки окрестные городки. Ни в Соловье, ни в Загорном не останавливался.

Я подошел к барьеру. Под ним была тропа к старому замку. Серые бетонные плиты, потом просто щебенка вели к проему в стене на площадь перед башней. Вообще странно, зачем надо было строить замок, если к нему вела только тропа из-за гор мимо моего нового дома. Легенды говорили, что это был форпост жителей древней горной страны от набегов жителей долин, которые поднимались на летающих повозках. И однажды тут была жестокая битва,

и был якобы огонь, который выжиг все кругом и превратил некогда цветущие земли горных долин в пустыню.

Прибежал запыхавшийся Пусь и поскреб меня лапой. Это означало у нас после прогулки или просьбу дать попить, или пустить домой. Онки не было видно. Я настроил на Пуся дверной сенсор, пока с ним возился, появилась Онка вся в репях, вынул, приласкал, настроил сенсор и на нее. Псы, как по команде, направились в кухню, а я спустился в спортзал.

Но заняться спортом мне было не суждено.

– Гости – коротко проинформировал дом.

Почти одновременно Онка, а за ней Пусь с лаем устремились к выходу. Я последовал за ними.

На площадке перед силовой оградой уже стоял маленький одноместный мотокоптер, с которого слезало юное существо. На вид лет 14—16, не больше. Оно сняло шлем и оказалось юной девушкой. Я открыл вход и подошел. Онка прыгала вокруг прибывшей, Пусь тоже был не против познакомиться ближе.

– Здравствуйте, – вежливо сказала гостя и очаровательно улыбнулась. – Я – Влада.

– Я назвал себя и представил собак.

– Это не Онка, – сказала девочка. – Это наша Джека. Когда она не пришла домой, то мы и подумали, что она увязалась с вами. Она часто тут бывает.

– Вместе с вами? – улыбнулся я.

Вскоре на скамейке перед домом (в дом гостя не захотела идти) я кое-что узнал. Влада жила с родителями в Загорном, ее родители были «хрониками» и целыми днями пропадали в Соловье, самой Владе было уже 16 лет и она осенью должна была поступать в колледж и уехать туда, а пока она готовилась к экзаменам и просто проводила свое последнее детское лето. Джеку-Онку ее папа привез месячным щенком из Соловья, сперва не разобрался и назвал Джеком, пришлось срочно переименовывать на дамский лад. Ей еще года нет. На платформе она ожидала родителей, которые обычно приезжали этим дизелем, а в тот раз задержались. Про меня и Пуся Влада узнала от рыжего Миха-агента, когда стали искать пропавшую Джеку.

Гостеприимный дом прислал нам к скамейке столик с коктейлями и пирожками. Очень кстати.

– Хорошо, что вы решили тут поселиться, – сказала Влада. – тут так здорово! А люди не понимают. Мих уже несколько лет сюда водит своих клиентов. Мих мой троюродный брат, поэтому я знаю.

– Влада, а чего им тут не нравилось? – осторожно поинтересовался я. – Мих не говорил?

– Да говорил не раз, – махнула она рукой. – Понимаете, когда этот дом решил себя продать, то он поставил условие – две недели испытательного срока для всех клиентов...

– Ммм, – озадаченно промычал я. – Дом решил продать?... Ты не путаешь?

– Нет, – ответила Влада. – Это очень умный и самостоятельный дом. Раньше он стоял по соседству с нашим, потом ему надоело и он перебрался сюда.

История мне начинала нравиться все меньше. Что дом был с мозгами, я уже убедился. Но что две недели меня будут испытывать неизвестно как, мне не нравилось совсем. Я хотел просто уютно устроиться и спокойно работать.

– Ты можешь рассказать подробнее? – попросил я. – Мне понравилось это место и уединение, поэтому я и согласился, хотя хотел иметь дом в Соловье. Но иметь дом умнее себя и способный от меня удрать, если что не так, согласись – напрягает.

– Угу, – кивнула головой она. – Напрягает. У нас в поселке тоже все обалдели, когда последние хозяева этого дома внезапно уехали в долину, он полтора года стоял пустой, и вдруг является бригада с гравидомкратами и за несколько дней его целиком переносят на гору, вырубив тут в лесу для него площадку. Причем хозяева ничего не знали. Когда наш мэр им написал,

то они попросили их не разыгрывать и не беспокоить по-пустому. А через неделю Мих нам сказал, что дом выставлен на продажу. Причем именно как «дом на горе».

Влада еще рассказала, как год назад дом приглянулся одной молодежной тусовке и они решили его приобрести. Хватило их на одну ночь, попускали фейерверки над крепостью и на первом же дизеле утром слиняли – почему, отчего никто так и не узнал.

«Ну, у нас первая ночь прошла вполне достойно, – подумал я. – И линять не хочется». Вслух же спросил:

– А ты с Джекой тут часто бываешь?

– Джека чаще, – ответила Влада. – Она возит Вебсика к озеру ловить рыбу. Он же маленький, ему трудно по лестнице...

Так я впервые услышал про Вебсика.

– Вебсик? – переспросил я.

– Вебсик, – подтвердила Влада. – Вы что, не знаете?

Пришлось признаться, что не знаю. Честно говоря, и знать не хотелось, если это внесет новые трудности в мое испытательное положение. И потом уже достаточно «грузиться», надо все спокойно переварить. Я решил оставить этого вебсика «на потом», поэтому не стал настаивать на рассказе о нем, тем более что Влада и сама не очень хотела. Мы еще немного посидели, и она стала собираться в обратный путь.

Коррективы внесла Джека, которая наотрез отказалась покидать Пуся и влезать в рюкзак хозяйки. Сам Пусь тоже был против какого-либо насилия над новой подружкой, активно мешая ее ловить. В результате Влада улетела одна, а мы втроем еще некоторое время посидели на скамейке.

Подумалось, что надо будет спуститься вниз, познакомиться с мэром поселка хотя бы, и вообще с народом, чтобы не слыть тут затворником. Ну, это, может, на послезавтра. Старая крепость-замок тоже к себе тянула духом развалин. И кухня – было время позднего завтрака уже. Но в итоге решил все-таки хоть полчаса отдать спортзалу.

После разминки я еще некоторое время побродил по подвалу, добрую треть которого занимал бассейн, рядом с ним нашелся желоб боулинга и даже тир с мишенью. Оснащение дома явно было по стандартам какого-нибудь олигарха в прошлом, одна ванная с джакузи и громадной душевой чего стоили. Мне все это было непривычно. Хорошо, что спортзал был невелик, и мои тренажеры из города не терялись в его пространствах. Активировать бассейн и наполнять его водой я не стал. Кинул пару раз шар в боулинге и промазал в тире. С моими диоптриями это лишние вещи. Демонтировать можно, конечно, а зачем? Что взамен? Пока никаких идей.

Поднялся в рабочий кабинет, включил компьютер, проверил почту. Пусто. Дошел до кухни и проглотил гренки. В кухне ко мне присоединились Пусь с Джекой. Им тоже перепало. Вернулись с псами в кабинет. Пусь занял, как всегда, кресло с таким расчетом, чтобы видеть все мои движения, а Джека развалилась у секретера.

– Дом, выведи список основных модулей своей оболочки, – попросил я систему, устраниваясь за терминалом.

Некоторое время я изучал появившийся на экране список. Версия новее, чем была у меня в городе, по датам конфигурационных файлов ее обновляли за несколько месяцев до моего появления здесь. Проверил на предмет скрытой информации. Ничего. Запросил справку изменений. Добавлены расширенные возможности диалога (да, болтает он приятно) – и опять ничего необычного. Но вчера дом сам сказал, что в программе были изменения. Где же они? В лоб спрашивать опасно, можно ненароком все заблокировать тут... Мда.

Я встал и подошел к окну. Окно кабинеты выходило на горы и начало древней тропы, едва заметное среди зарослей и камней. Пришла мысль. Ну-ка, попробуем...

Набрал слово, запустил. Экран потемнел и вывел сообщение: «Для начала работы задайте ключ». Ключа у меня не было, а слово было «Вебсик»... Вообще, оно, похоже составное: по-

английски (я немного знал этот старый земной язык) «web seek» звучало созвучно и означало «веб-поиск», но странно было бы думать, что некий веб-поиск может ездить на Джеке к озеру ловить рыбу. Я ухмыльнулся, пытаясь себе это представить. А. будь что будет...

– Дом, – решительно сказал я. – Вебсик дома?

– Да, – спокойно ответил дом.

– Я могу с ним поговорить?

– Да, – также спокойно ответил дом.

– Я хочу поговорить с вебсиком!

– Говорите, – сказал дом.

– Здравствуй, вебсик! – начал я.

– Здравствуйте, – ответил дом.

Я немного ошалел.

– Дом, так ты и есть вебсик что ли?

– Нет, – ответил дом. – Я – информационная система умный дом модель «Комфорт» спецификация «Стандарт». Я не вебсик. Я его дом.

– А где мой дом? – грустно спросил я.

Выходило так. Есть строение, дом, который я купил. В нем есть информационная система, которая является домом для некоего вебсика. Если я уберу систему, то мне останутся голые кирпичики, которые сами по себе ни обогреть, ни кормить меня не будут. Что-то мне подсказывало, что надо искать компромисс.

«Вот так мы и становимся рабами своих вещей», – философски подумал я.

– Вебсик, мы можем вместе ловить на озере рыбу? – вдруг спросил я.

– Можем, – ответил дом.

– Вебсик, мы можем видеть друг друга? – продолжил я.

– Вы не готовы, – ответил дом.

– Почему? – удивился я.

– Мало детства, – ответил дом.

– А мои собаки тебя видят?

– Да, – ответил дом. – Они видят образы. Дети тоже могут видеть. Но не все.

– А я?

– Вы видите символы. Это мешает видеть суть.

– Спасибо, вебсик, – поблагодарил я, не решаясь узнать все и сразу. – Мы еще пообщаемся?

– Пообщаемся, – согласился дом.

– Да, – вспомнил я. – Вебсик, какой ключ запрашивала программа?

– «Старт», – ответил дом. – Это просто программа визуализации диалога с модулем «Вебсик». Это не вирус.

– Она мне покажет вебсика? – оживился я.

– Она покажет вас, – ответил дом. – Ваши интересы, связи...

«Ну, приехали, – подумал я. – Еще одна версия портрета Дориана Грея...»

Но кирпичики мозаики частично вставляли на свои места. Что или кто такое «вебсик», пока не ясно. Собаки и дети его видят. Чтобы мне его увидеть, мне надо стать собакой или ребенком. И тогда я увижу себя. Хм...

«Сбросить шоры с глаз», как говорил один гуру. И вебсик не ходит с удочкой ловить рыбу как рыболов. У него другая ловля. Он ловит образ.

Когда мне попадалась трудная задача, то я любил зарываться носом в лохматую головку Пуся и думать с ним вместе. Это не раз помогало. Пусь, ты ж умней меня! Подсказывай, давай!

К вечеру снова прилетела Влада. Не одна – с отцом. Он мне сразу понравился. Спокойный такой, рассудительный. Вроде славный мужик и имя подходящее – Слава. Вячеслав Сере-

гин. К тому же он оказался и мэром поселка, что сильно упростило мне задачу официального представления. Сидели мы на сей раз в гостиной. Джека от Славы не отходила ни на шаг, а Пусь устроился на руках у Влады.

Слава рассказал мне про обстановку в Соловье. Исследователи склонялись к версии спонтанного хронопереноса, но при этом считалось, что он должен был быть взаимным, то есть кусок земли от Соловья должен где-то заместить потерю крепостной стены и щебнедробилки. Но анализы показали, что этого не произошло. Сейчас пытаются еще раз восстановить ситуацию в Церне, на момент катастрофы. Мою идею полазить в Соловье с Пусем Слава решительно отверг. Опасно.

Я немного рассказал новым знакомым о себе, о своей прежней работе и о том, что я ожидал от приобретения дома. Выяснилось, что рыжий Мих слукавил – в поселке продавался еще один дом, правда, существенно дороже, и я бы вряд ли его купил.

Неожиданно появился вариант решения еще одной проблемы.

После экскурсии по дому, которую я устроил для своих гостей, Слава вдруг спросил, не соглашусь ли я сдать полдома им с женой, когда Влада уедет от них в колледж. Он рассказал, что давно, уже лет пятнадцать собирает материалы про замок, что они с женой пытались получить грант на подробные исследования, но не дали.

– Когда решили здесь пробивать тоннель, то стоило больших усилий сохранить замок, внести его в государственный реестр достопримечательностей. Его же нашли случайно – тут, говорят, целый город был когда-то, это его остаток... Десять лет раскопки вели. А потом пошло это терраформирование, все ушли отсюда... А он уцелел, только в итоге на холме оказался, и как только не развалился совсем – не знаю... – Слава вздохнул и продолжил: – Получили мы тут «на развитие туризма» разовый грант, реставрировали гостиницу и серпантин построили к руинам, а туристы так и не пошли, через некоторое время замок спихнули на местный бюджет и теперь только отчеты от мэрии требуют, как мы его охраняем. А тут еще ваш дом сюда прыгнул. Нет, я нутром чувю, что тут интересно. Живя тут, мы с женой кое-что могли бы попробовать сделать, все равно у нас в Соловье вахты сутки через трое. Время есть, – заключил он.

Я лукаво взглянул на Владу и произнес, обращаясь к потолку:

– Вебсик, ты не против?

Влада с округлившимися глазами выслушала положительный ответ дома, а Слава покачал головой:

– Уже и вас втянули в эту игру.

– Да вроде это не игра, – начал я. – тут вроде дело сложнее...

– Да ее мальцы поселка придумали, – отмахнулся Слава. – И моя туда же.

Я заговорщицки подмигнул Владе и примирительно сказал:

– Ладно, разберемся со временем. Его полно – целых две недели.

– Почему две недели? – не понял Слава.

Я рассказал ему про скидку и условие рыжего Муха. Слава расхохотался.

– Вот ведь жук! Этот рыжий и придумал этого вебсика. Начал в детстве историю... Как сейчас помню письмо в мэрию корявыми буквами: «Детям нужны футбольные ворота. Вебсик»... И пошло – на все требы один вебсик. Уже третье поколение мальцов с ним живет.

Тут я заметил, что обе собаки и Влада с улыбками смотрят мне за спину. Собаки виляли хвостами. Я обернулся.

Прямо на стене корявыми печатными буквами было написано:

«Я есть. Вебсик».

Я хотел было показать послание Славе, который в это время отошел к окну, но надпись начала быстро бледнеть и скоро совсем исчезла. Пусь подошел и обнюхал стену, после чего потерял к ней всякий интерес, зевнул и куда-то направился из комнаты. Влада, а за ней и Джека

отправились за ним. Вскоре они вернулись. Путь ташил в зубах любимого плюшевого медвежонка, Джека – мячик, а Влада – пакет с пуськиными игрушками.

– Мы пойдем на улицу, – объявила она.

Я предложил Славе перейти в кабинет. Из его раскрытых окон с участка уже доносился голос Влады и веселый лай.

Мы расположились в креслах у углового камина, в котором предусмотрительный дом за стеклянными дверцами зажег огонь или его имитацию, что было очень уютно. Я попросил Славу рассказать подробнее про перенос дома на гору. Он согласился.

Прежними хозяевами дома были Петерс, его жена Наташа и трое их сыновей, из которых старший уже давно выучился, уехал и работал где-то на севере, а младшие близнецы были на год старше Влады. Дети дружили, взрослые тоже. Петерс был хорошим специалистом-электронщиком, и его часто приглашала научная экспедиция Института времени, работавшая в Соловье. Но основным его занятием была живопись. Он писал горы, стал известным художником, и его картины были во многих галереях. Жена учительствовала. Школы в Загорном, как и во всех таких маленьких поселках, не было, дети учились дома, а при местной мэрии был класс дистанционного образования для приема экзаменов и разбора сложных уроков, где она и работала. Особой нагрузки в классе не было. Ничто не предвещало перемен, и Слава с женой были очень удивлены, когда Петерс сообщил им о скоропалительном отъезде в долину. Они уехали в тот же день вечером, и дом стоял пустым года полтора. Потом уже, Слава, когда его выбрали мэром поселка, отправил им от мэрии запрос на разрешение его использовать для новых сотрудников экспедиции, которая в то время расширялась, и в Соловье даже поставили палатки. Желающие жить в Загорном, а не в долине, были – привлекало пятнадцать минут езды по тоннелю против часа с лишним на автобусе до долины. Ответа не было, а через неделю прибыла особая строительная бригада с только что созданным гравитационным оборудованием, и дом перенесли на гору, где под него предварительно вырубил в лесу площадку. После этого появился рыжий Мих и с удивлением сообщил, что дом попал в базу его агентства, то есть на продажу.

– Мне до сих пор многое не ясно, – задумчиво сказал Слава, потирая подбородок. – Для Петерса это был родовой дом, еще пра-пра-прадедом его построенный, незадолго до отъезда они его основательно подновили, потом вдруг уезжают... А перенос на гору – вообще... Мы сколько пишем-просим дать такое оборудование для Соловья – нам не дают, а тут дом запросто. Знаете, сколько это стоит?.. Петерс вряд ли мог оплатить такое. Нет, темное дело.

Он помолчал, потом продолжил.

– На месте этого дома рядом с нами теперь пруд. Каждый раз как подхожу к нему – ощущение, что дом стоит, только невидимый. И все его обходят, даже собаки в пруду не купаются. И не растет ничего. Котлован и вода. Сказали, что это последствия применения гравидомкратов, постепенно все восстановится. Типа гепатогенной зоны искусственной. Ну, не знаю. Логика в его переносе и продаже тоже не вижу. Но страха у меня дом не вызывает.

– ??

– Ну, понимаете, тут легко всякую чушь навертеть. А мы с Михом когда поднялись к нему, то все обычно. Дом как дом.

– Так вы бывали здесь?

– Только снаружи. Вы же знаете, когда недвижимость выставляется на продажу, то бригада роботов делает косметический ремонт и выносит все лишнее и оставшееся от прежних хозяев, если остается что-то. Вот мы и попали в этот момент с ним. А больше я не поднимался. Мих бывал, знаю, готовил презентацию для покупателей.

– Мне кажется, что Мих знает про это больше, чем говорит. – Сказал я.

– Да ничего он не знает! Шалопай великовозрастный этот Мих, уж поверьте, с его мозгами можно найти работу поинтереснее, чем агентом по недвижимости в этом медвежьем углу.

Он же в школе был чемпионом округа по искусственному интеллекту, на олимпиады в Рио ездил. И вдруг – провалил профотбор и агент по недвижимости... У Петерса близнецы тоже башковитые были, но Миху уступали. – Слава кинул взгляд на часы. – Ну, нам вроде пора обратно... Спасибо вам за знакомство, надеюсь, продолжим. Влада! – крикнул он из окна дочери. – Вызываю коптер, бери Джеку на поводок.

Мы тепло попрощались и проводили новых знакомых. Темнело тут на час-два раньше – солнце скрывали горы. Зато рассвету ничто не мешало. Набегавшийся Пусь быстро затих в своей лежанке, а я прилег почитать. Уснул незаметно.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Странное дело – просыпаюсь с ощущением, что живу здесь давно-давно. И сегодня встал поздно – полвосьмого. Даже Пусь не будил утром и сам еще спит всюю, явно «не излучая желания» погулять.

– Доброе утро, дом, – сказал я.

– Доброе утро, – отозвался дом.

В быту я страшный консерватор. Терпеть не могу новых мест и смены обстановок. По мне куда приятнее вот так проснуться и окинуть взглядом привычные очертания предметов в комнате, чем спросонья мучительно вспоминать, где ты находишься. Естественно, что таскать за собой обстановку всю жизнь я не мог, но каждый раз, когда приходилось менять место жительства, я старался подобрать новый интерьер похожим на прежний. Поскольку мои предпочтения лежали в области «классики», то это обычно не составляло труда. И сейчас я с удовольствием окинул взором спальню.

Помимо кровати в ней стояла небольшая, но вместительная стенка, изящный столик с удобными боковыми полочками, кресло-трансформер, на котором любил днем валяться Пусь, ковер на полу. У кровати стояла Пусина лежанка. В небольшой, почти квадратной комнате было одно окно, задрапированное нежно-розовым тюлем и коричневыми занавесями из незнакомого мне на ощупь материала. В окно уже било утреннее солнце. Вставать жутко не хотелось.

Пусь перевернулся на спину и поскреб лапой бок кровати, прося почесать брюшко. Спустил руку на него и начал медленно шепуршить пальцами его шерстку.

Вспомнился вчерашний визит Серегиных. В мою «мозаику загадок» он добавил очень не много, но спешить не стоило. Одно вчерашнее послание на стене говорило о многом. Стены жилищ сейчас покрывали специальным составом, способным принимать любую окраску и воспроизводить любые рисунки, так что система умного дома по желанию владельца могла в один миг все изменить. Если Вебсик жил в моем умном доме, что ему ничего не стоило «написать» на стене и стереть надпись. Просто это говорило о том, что он внимательно следил за всеми нашими разговорами. Мда, не совсем приятно жить, зная, что тебя постоянно кто-то слушает.

Я скинул одеяло и встал. Пусь тоже вскочил, зевнул и начал потягиваться. Потягивался он всегда очень заразительно; возникало желание опуститься на четвереньки и так же вытянуть руки, припадая к полу. Иногда я так и делал, тогда Пусь, смотря на мои «потягивания», принимался мне показывать, как это надо делать правильно. Выходило уморительно. Вообще он очень правильный Пусь.

После завтрака мы с Пусем решили познакомиться с горной тропой.

– Дом, – спросил я, – по горной тропе можно высоко подняться?

– До перевала, – ответил дом. – Но до него вы не дойдете – там завалы. Советую сперва полететь на коптере и посмотреть сверху.

Идея была неплохая, но виртуальная экскурсия по окрестностям была в тех файлах, которые мне еще в городе скинул Мих. Можно было снова посмотреть ее. Я попросил дом показать файл.

Подъехал сервировочный столик, с которого я взял панельку тачпада.

Противоположная стена превратилась в стереоэкран, показывающий изображение как с летающей камеры. Она висела над домом, отчетливо была видна его крыша со старинными слуховыми окнами и современными антеннами дальней связи, виднелась даже спутниковая тарелка, причем явно не бытовая. Внизу как на плане был виден участок со всеми дорожками, лужайками, цветниками, деревьями, энергобудкой и парой каких-то металлических сфер на границе с горой. Склон горы был скрыт густым ельником. Я опустил обзор ниже, но найти

начало тропы не смог. Пришлось просить дом помочь. Да, в таких зарослях я бы сам мало что нашел. Прежде чем гулять, тут топором намашешься.

– Дом, можно организовать расчистку тропы для прогулок?

– Да. Оформить заявку? На завтра?

– Давай на завтра. Это не будет несанкционированным изменением? – спросил я, вспомнив условие Миха.

– Нет, это за пределами границ. Будет расчищено два километра до первого завала.

– Дом, покажи всю тропу.

Изображение поплыло вниз, и на экране возник контур извилистой тропы. Она обрывалась где-то на середине горы. «На перевале», – догадался я.

– Дом, а что за перевалом?

– Нет информации.

Ладно. Запросим тогда спутниковые снимки. Прогулка по тропе и так откладывалась на завтра.

– Вас вызывает поселок, – сказал дом.

– Соедини, – разрешил я.

Изображение на стене сменилось комнатой со строго вида пожилой дамой. Я встал и поклонился, приветствуя ее.

– Надежда Ивановна, администратор поселка, – назвалась она. – Мы рады вашему поселению и просим посетить мэрию. Это на втором этаже дома с магазином у платформы.

– А что случилось? – поинтересовался я.

– Наши мальчики нашли в песчаном карьере запечатанную бутылку. В ней оказалось письмо. Наш мэр просил связаться с вами, он сейчас на суточной смене в Соловье и присутствовать не может. Вы же историк? Вам может быть интересно.

– Спасибо, – поблагодарил я. – Мы с Пусем можем скоро приехать. Это мой пес.

– Да я слышала уже, – улыбнулась дама. – Приезжайте.

Скоро нас с Пусем подобрал попутный коптер и понес вниз. В нем уже летела группа изыскателей, возвращавшихся в один из соседних городков. Лету было всего несколько минут, и вот уже коптер завис над платформой, выпустив для нас трап. Мы решили пройтись по поселку, а потом уже топтать в мэрию смотреть на письмо.

Поселок Загорный помимо исторической гостиницы и дома с магазином насчитывал с десятков частных домов, из которых один (наш) уже сбежал на гору. Было много зелени и тени, как понимаю, крупный колесный транспорт тут не водился, и дороги заменяли широкие тротуары, вымытые до стерильной чистоты. Пусь, любитель всяких кустиков, заметно приуныл. Встретилась только пара робоколясок со спящими в них малышами, да старик на лавочке возле одного дома. Прошли в другой конец. Там у одного дома обнаружился котлован с водой, как понимаю, это и был дом Влады, а котлован от моего дома. Позвонили, но домофон сообщил, что хозяев нет. Обошли котлован кругом, пытаюсь уловить что-то необычное. Ничего, за исключением того, что Пусь наотрез отказался подходить близко к краю берега. Пошли обратно к платформе и мэрии. По дороге попала пара пацанов на моноскутерах-сегвеях, да те же робоколяски, очевидно завершающие прогулочный маршрут. Тишина и покой, даже коты на подоконниках, которые иногда попадались взору, ленивые и сонные. Пусь попросил попить. Достал из рюкзака холодную воду в термофляге и напоил его с ладони.

В мэрию вел отдельный вход. Пройдя услужливо открывшуюся при нашем появлении дверь, мы оказались в отлично отделанном «под старину» холле, в котором мое внимание привлек невесть каким образом сохранившийся тут автомат электронной очереди. Он настороженно мигал зелеными огоньками.

– Здравствуйте, – несколько скрипучим голосом сказал автомат. – Мэра сейчас нет, принимает администратор. Как о вас доложить?

– Юрий и Пусь Кивины, – несколько удивленно ответил я.

Автомат мигнул и выдал бумажный талончик с номером очереди, предложив подняться наверх по лестнице и немного подождать приема. Лестница была мраморная, с дубовыми перилами, на площадке до потолка было огромное зеркало, в углу на подставке стоял чей-то бюст, а над зеркалом было круглое окно, в которое лился дневной свет. Номер очереди на талоне был первым.

Как только мы поднялись на площадку второго этажа и вошли в двери приемной с диванами по стенам и ковром посередине, раздалась бодрая мелодия и тот же голос торжественно объявил:

– Посетители Юрий и Пусь Кивины к администратору!

Я не успел толком сориентироваться, как из какой-то двери вылетела Джека и внимание одного посетителя было сразу отвлечено. Пришлось отпустить его с поводка. Ко мне же, радостно улыбаясь, быстро подошла Влада.

– Здравствуйте, пойдете скорее! – она потянула меня за рукав. Я пошел следом, снимая на ходу рюкзак.

В маленькой, но очень стильной комнатке администратора я увидел уже знакомую мне Надежду Ивановну и группу ребят разного возраста. На настенном экране был сеанс видеосвязи с молодой женщиной в красном. Влада меня быстро со всеми перезнакомила, на экране оказалась Марта Серегина – ее мать и местная учительница (она стала вести класс после отъезда семьи Петерса, совмещая с основной работой в научной экспедиции). Она сейчас была с мужем в Соловье. В картонном ящике лежала аккуратно открытая по донышку бутылка, а в папке на столе серый конверт и само письмо из него.

Мне рассказали, что бутылку нашли случайно карьерные роботы, приняли ее за снаряд и остановили работу, ожидая инженеров. Те приехали, просветили предмет, выяснили, что он безопасен и открыли дедовским способом – раскаленной нихромовой проволокой. Это спасло бумаги. Лазерный резак их бы сжег. Один из инженеров – Штефен Роберт, отец бывшего тут высокого и несколько застенчивого юноши Эдика Роберта (Эдик – имя, Роберт – фамилия, пояснил он при знакомстве) принес письмо домой, но прочесть не могли, вроде по-русски, но очень странно. Отнесли утром в мэрию в учебный класс, но Марта была на дежурстве в Соловье, и письмо оставили администратору. Тогда Влада и вспомнила про меня и мое «архивно-историческое» прошлое.

Я осмотрел бутылку. Историческая бутылка, конечно, – штоф конца 19 века с царским гербом и инициалами заводчика на стекле. Современница гостиницы, между прочим, отметил я, вспомнив цифры «1896» на стене ее башни. Достал из рюкзака тканевые перчатки и взял в руки конверт. Пусь, чувствуя важность момента, оставил свою приятельницу и сел около моей ноги. На конверте уже была пара свежих жирных пятен.

– Это мои, – виновато пояснил Эдик. – Папа принес, а мы как раз ужинали. Курицу ели.

Услышав про курицу, Пусь поскреб было меня лапой, но быстро сообразил, что тут ее нет и не будет и снова затих.

От адреса на конверте остались отдельные буквы. Не прочесть. Приборами, может, разберешь. Марок не было. Даже не клеили. Чистый конверт.

Взял само письмо. Написано было на дореформенном русском, но многие буквы автор писал на латинский лад. В результате я прочел притихшей аудитории следующее:

«Дорогая Калерия Федоровна!

Надеюсь, что Вы с Кириллом пребываете в добром здравии. Думал приехать к Вам погостить в Купавну, но, встретив Вашего отца случайно в лавке на Кузнецком, узнал от господина профессора, что Вы уже уехали в Фрайбург, а оттуда в деревню на грязи. Ну, не беда, увидимся по возвращении обязательно.

Пишу же Вам вот по какому поводу. Наш приват-доцент Кобелевич, который ко всему прочему еще и масон, на очередном собрании у зеленой лампы прочел повесть, которую якобы написал его дед. В ней упоминается старый замок в горах под Фрайбургом, куда Вы собирались ехать еще весной. Замок очень интересный. Зная Вашу увлеченность необычными вещами и масонством, очень бы рекомендовал при случае не пропустить побывать и потом рассказать нам...»

На этом письмо обрывалось. Подумалось, что отсюда Фрайбург очень далеко, как сюда вообще это письмо занесло? Я посмотрел на обратную сторону листка. Чисто. Машинально повернул его под углом к свету – так иногда можно было на толстой бумаге видеть стершиеся карандашные следы. И открыл рот.

При боковом освещении проступили корявые буквы: «Дети ищут приключений. Вебсик».

Я взял мощную лупу и внимательно осмотрел поверхность бумаги. Никаких следов нажима чем-либо визуально не заметил, но ворсинки явно лежали под другим углом, что создавало эффект надписи. Присутствующие следили за моими манипуляциями, и тихо переговаривались, ожидая пояснений. Голосом судьи, читающего приговор, я наконец произнес написанное. Наступило молчание. Первой опомнилась Надежда Ивановна.

– Позвольте, бумагу с таким очередным призывом этого «вебсика» мэрия получила вчера по почте среди прочей корреспонденции. Мы уже не придаем этому значения. – Она задумалась. – Наверное, она еще в корзине.

Эдик и Влада мигом вытряхнули содержимое корзинки под столом администратора и с радостным воплем нашли скомканную бумагу. Она была осторожно расправлена и положена передо мной. На обычной писчей бумаге была та же надпись. Но как она попала на старое письмо?

– Надежда Ивановна, а вы сразу ее выбросили? – спросила с экрана Марта. – Она не могла скопироваться на письмо?

– Обычно я это делаю сразу, – ответила администратор. – А тут не помню.

– Если скопироваться, то и на другие бумаги в корзинке могла, – подал голос сидевший в углу у окна Саша-маленький (в этой компании был еще и Саша-большой).

Ребята отобрали у меня лупу и просмотрели все бумаги, попавшие в корзинку. Ничего не нашли. Я тем временем осторожно положил послание Вебсика в пластиковый уголок и завернул для надежности в пищевую фольгу, рулон которой нашелся в шкафу. Конверт с письмом удостоились той же участи. Постепенно в моей голове созрел план дальнейших действий. Идея Марты казалась мне вполне правдоподобной.

Я решил вечером сегодня же позвонить своему однокашнику Виктору, который был пару лет назад директором или заместителем директора архива по общественным наукам. При таких учреждениях была мощная исследовательская и реставрационная база. Она могла помочь проверить догадку.

Марта предложила связаться со старшим сыном уехавшего из поселка Петерса Олегом, который, как выяснилось, был палеонтологом и работал на севере в местах таяния льдов. Тоже можно попробовать, согласился я. Но сперва я думал обсудить все это дома с самим Вебсиком. Говорить вслух об этом не стал. Надежде Ивановне и Марте я клятвенно обещал сообщить тут же, если будут какие новости. Со Славой-мэром предстоял персональный разговор. Потом, вспомнив про намеченную расчистку тропы завтра, я пригласил всех на ее «открытие». На том мы в мэрии и расстались. Хотелось быстрее вернуться на свою гору, но ребята потащили меня с Пусем из мэрии на озеро, которое я краем глаза уже видел с платформы.

На озеро от платформы прошли по короткой тропе, пробираясь под и между ветками густых елей. Влада шла за мной, я раздвигал и придерживал ветки, оберегая ее, а она сзади помогала освободить драгоценный рюкзак с бумагами, если он за что-то цеплялся. Тропа

очень заросла, и идти было трудно. Тяжелее всех пригодилось Борису, который шел перед нами. При своем маленьком росте он был достаточно «пухлым» и поразительно неуклюжим, казалось, что любая ветка способна его задержать и любой камешек – споткнуться. Впереди нашего маленького отряда шел Эдик с долговязым Ароном, замыкали шествие два Саши. Джека, похоже, всерьез занялась мышкованием, а Путь вспомнил, что в славной истории породы цвергшнауцеров были конюшенные крысоловы, и не отставал от нее. Эта парочка чувствовала себя в зарослях лучше всех нас. В ряде мест пришлось перелезть через поваленные деревья.

По дороге я разговорился с Борисом. Паренек оказался ходячей энциклопедией. Между периодическими «охами» и «уффами» он выдал мне много интересного по истории Соловья и Загорного. Жил он тут с бабушкой и дедушкой (похоже, его деда я и видел на лавочке в поселке), родители трудились на стройке Ближнего Внеземелья, отец – монтажником, мать – врачом Космофлота. Сам Борис мечтал стать астронавигатором и летать в Дальний Космос. Но для этого нужна была физическая форма, а на простую зарядку его воли хронически не хватало. «Не ты один, мне тоже не хватало», – утешил я его.

По словам Бориса, Загорный возник гораздо раньше Соловья, и никакой мифической битвы с уничтожившим все тут огнем никогда не было. Была просто тектоническая активность, в результате чего место под поселком «просело» и стало ниже замка. А некогда они были на одном уровне с уклоном к озеру, к которому мы пробирались. Арон, как выяснилось, увлекался геологией, и собранные им образцы пород убедительно это доказывали. Он даже успел сделать доклад на общекионтинентальной научной конференции. А Саша-большой сделал компьютерную модель изменений рельефа этого места.

– А про горную тропу ты что знаешь? – поинтересовался я.

– Очень мало, – ответил Борис, преодолевая, как выяснилось, последнее препятствие – мы вылезли на склон и вторую, широкую дорогу к озеру со стороны нашей с Пусем горы. – Там непроходимая чащоба, по карте и со спутника видно, что она вела через несколько перевалов и долин. В одной из них дольмены, древние захоронения, а больше ничего не встречал про нее. Мама, помню, говорила про целебные источники и грязи по ту сторону перевала, там сейчас санаторий космофлота построен.

Собаки нас опередили и весело крутились на вершине подъема. Мы вышли на маленький галечный пляж. С него открывался вид на маленькое, с едва заметным волнением воды, почти круглое озеро с крутыми, почти отвесными каменистыми берегами, на которых местами росли густые ели. На пляже лежало большое бревно, и сбоку у самого горного склона из зарослей торчал полузатопленный пенек, верх которого был аккуратно отпилен.

– Это пенек Вебсика, – сообщила Влада. – С него он ловит тут рыбу.

– Так, – решительно сказал я, усаживаясь на краю бревна. – Давайте начистоту. Я знаю, что этот Вебсик живет в моем доме. С ним можно общаться через систему умного дома. У меня получилось вчера, по крайней мере. Что известно вам, рассказывайте.

Два Саши вытащили из зарослей у пенька припрятанную в них пару туристических «пенек» и улеглись на них, остальные разместились со мной на бревне. Путь и Джека устроились за моей спиной. По молчаливому согласию ребячьей компании рассказывать начала Влада.

По ее словам, Вебсик начинал проявлять себя, когда дети поселка вырастали настолько, что принимались сами активно искать в информационной сети различную информацию по сложным запросам. Пока интересы не вылезали из рамок детской и мировой энциклопедии, школьных курсов и разных игр, он себя не обнаруживал. Но когда ребенок принимался, скажем, искать родичей китов или земноводных на Альфа Центавра, то через несколько неудачных попыток сеть начинала выдавать различные ассоциативные запросы, а потом и вообще перенаправляла на некие скрытые ресурсы, на которых постепенно начинал подключаться диа-

лог с Вебсиком. В социальных сетях, как оказалось, ходило про него немало легенд и образовалось несколько сообществ, обсуждавших данный феномен, но никто не мог привести ни одного конкретного адреса – Вебсик маскировался идеально. Я так понял, что все члены этой компании так или иначе побывали в «объятиях» Вебсика, и их интересы выходили далеко за среднестатистические рамки. Опыт виртуального общения с Вебсиком был у них у каждого свой.

Слушая рассказ Влады, я подумал о том, что Вебсик вполне мог быть порождением или реликтом информационных кибервойн прошлого периода. Это сейчас на планете континентальная администрация и никаких тебе государств и наций. А тогда – как муравейник, все друг за другом шпионили, давили санкциями, а то и оружием долбали друг друга. По курсу истории я знал, что страны и разведки соперничали в области информационной даже сильнее, чем в экономической. Тогда вполне могли создать что-то такое самоорганизующееся для этих целей, а потом забыть или просто упустить. Был же такой фантастический роман, где создали мощный сетевой интеллект для защиты от внешней угрозы инопланетного завоевания, а он после долгого бездействия поработил самих землян.

– Хорошо, – сказал я, когда Влада сделала паузу. – Примерно понятно. А эти записки в мэрию, а ловля рыбы на пеньке? Вы его самого видели что ли?

– Видели, – ответил за всех Арон.

У меня в рюкзаке загудел коммуникатор. Пока дотянулся, расстегнул застёжку и достал, гудок кончился. Но на экране было сообщение: «Пришлите Джеку. Вебсик». Я показал его ребятам.

– Он сам хочет вам показаться, – сказал Арон. – Любопытно.

Я по совету Влады взял Пуся на поводок, а она нагнулась к уху Джеки и что-то ей сказала. Та мгновенно убежала. Я посмотрел параметры сообщения, но исходный номер был забит нулями.

– Ха, – сказал Саша-маленький, наблюдая за моими попытками. – Это он у всех так. Не поймать.

Из дальнейшей беседы я выяснил, что визуализация Вебсика могла принимать разные материальные формы. Борис, например, встретился с ним в грозу, приятно побеседовав с залетевшей к нему в комнату шаровой молнией. Саша-большой, Влада и Эдик видели его в качестве самобегающей «микросхемы», прототип которой был некогда создан в школьном компьютерном кружке рыжим Михом для имитации тараканьих бегов, и теперь сей артефакт хранился в «музейном» шкафу в классе. В отличие от конструкции Миха это была очень умная микросхема, она даже могла немного левитировать. Саша-маленький видел только говорящую с ним рожицу-смайлик на планшете, а к Арону Вебсик однажды залез в шлем виртуальной реальности в образе мохнатого колобка на моноколесе. Джека вернулась минут через двадцать и осторожно подошла к пеньку. Я хотел было посмотреть поближе, но ребята меня удержали:

– И не пытайтесь. Только издали. Серьезно.

В шортах Бориса нашелся довольно мощный монокуляр, который мне и дали для визуального наблюдения. Только я навел на резкость и поймал в объектив маленькую черную пластинку, действительно похожую на микросхему со множеством тоненьких волосяных ножек-выводов по краям, которая довольно быстро двигалась к центру пенька, как снова загудел коммуникатор. На сей раз всего три слова: «Включите. Срочно. Вебсик».

– Громкую связь включить просит, – первым сказал Борис.

Я выполнил просьбу. И почти тут же из коммуникатора раздался знакомый голос моего дома:

– Опасность. Срочное предупреждение. Всем уйти из Соловья!

Эдик стал срочно связываться с администрацией поселка, но почти тут же мы все увидели как на горизонте, в стороне Соловья сгустилась туча, засверкало небо и через некоторое время стал слышен низкий непрерывный гул. Поднялся ветер, и по озеру пошла сильная рябь.

– Мама, папа, – беззвучно прошептала сразу побелевшая Влада.

– Бежим в поселок, – скомандовал я. Потом я пытался понять, как это у меня получилось, но не мог. Напрочь забыв предостережение не приближаться к пеньку, я прыгнул к нему, схватил кончиками пальцев крохотную «микросхему» и сунул ее в кармашек на лямке рюкзака. Мы все понеслись в поселок. Вспоминая этот спурт потом, я всегда думал, что елки сами отвели перед нами и особенно Борисом свои ветки, а камни убрались с дороги. Когда мы выбежали из ельника, то увидели, как над маленькой платформой Загорного спускался громадный дисколет спасательной службы. Сверкание на горизонте и низкий гул продолжались. В поселке выла сирена. Перепуганный Пусь жался к моим ногам.

Спасатели уже поставили на рельсы какую-то продолговатую, отливающую перламутром ракушку, как из тоннеля вылетел дизель и еле успел затормозить перед нею. Из вагона дизеля на насыпь стали выпрыгивать фигурки людей. Я издали узнал Славу и красное платье Марты – их смена вернулась! Влада хотела было кинуться к родителям, но Эдик ее удержал.

– Погоди, видишь, что творится. Им не до нас.

Спасатели снимали с путей вагоны дизеля, видимо освобождая путь «ракушке». Я тихонько спросил Бориса, что это такое.

– Танк высшей защиты, – ответил он. – Космический. Изоброневой. Наверное, поедет по тоннелю. Видите, его на тележки ставят уже.

Сирена в поселке смолкла. С дисколета выгрузили какие-то контейнеры, и он улетел. Танк медленно скрылся в тоннеле. На горизонте тоже сильно стихло. К нам подошел заметивший нашу группу Слава.

– Ну вот и дождались попадания в вечерние общепланетные новости, – сказал он, целуя дочь. – Шарахи сдвинулись. Теперь жди репортеров...

«Шарахами» на жаргоне «хроников» назывались зоны пространственно-временной интерференции, опасные для людей потерей памяти. Это я знал.

– Там кто остался? – спросил я.

– Нет, у нас правило не проводить там пересменку.

От сердца отлегло.

– Вы как тут? – спросил Слава.

– Нормально, – ответил за всех Борис.

Вскоре, попрощавшись с ребятами и со Славой, мы с Пусем направились к серпантину подниматься домой на свою гору – коптеры были заняты другими перевозками.

На горе нас ждал очень расстроенный дом.

– Вебсик уехал, – сразу грустно сообщил он, едва мы с Пусем переступили порог холла.

– Вебсик приехал, – возразил я, вспомнив про «микросхему» в рюкзаке. – Дай отдышаться.

Дом ничего не ответил.

Набегавшийся и голодный Пусь, видимо, излучал такое сильное желание, что в столовой к нему прибыла миска вдвое больше обычного. Но пес поел немного и тут же уснул. Я помещивал ложкой горячий суп и думал о том, что по времени ужинать уже не придется – солнце уже садилось. Попросил включить трансляцию новостей.

Когда на экране замелькали кадры из Соловья, я уже доедал второе блюдо. Диктор сообщил об изменении положения пространственно-временных интерференций «изучаемой аномалии», пустил интервью с директором Института Времени академиком Смитом, потом на экране показали кадры Загорного и выгрузку танка (наша компания в кадр не попала), пару слов на ходу сказал в камеру Слава.

– Только что получено новое сообщение, – сказал диктор, взглядывая куда-то в бок экрана. – В районе исследований и поселке Загорном объявлен оранжевый уровень опасности. Сообщение с данным районом некоторое время будет ограничено. Администрация континента

и местная администрация просят с пониманием отнестись к временным ограничениям и воздержаться от туристических поездок.

Через некоторое время дом сообщил, что завтрашняя заявка на расчистку тропы временно откладывается в связи с форс-мажорными обстоятельствами. Я улыбнулся такому официозу.

– Ладно, пусть отложат, – согласился я. – Можно еще бокал витаминного?

После перекуса я отнес спящего Пуся в его лежанку в нашей спальне, а сам устроился в кабинете с рюкзаком. Предстояло вынуть «микросхему» и побеседовать с Вебсиком про утренние бумаги. Приготовил лупу и борисов монокуляр, который впопыхах забыл ему вернуть. Расстегнул клапан кармана и на всякий случай отошел подальше, ожидая появления «микросхемы». Но никто не появился. Это несколько озадачило.

– Вебсик дома? – спросил я на всякий случай.

– Вебсик уехал, – повторил дом. – Вебсика нет.

– Что значит «нет»? – спросил я, прекрасно зная, что информационные системы такого рода вопросы очень не любят.

– Нет связи, нет коммуникации. Нет кода, – сказал дом.

Набравшись смелости, я потряс рюкзак над столом. Из кармашка высыпались какие-то зернышки, какой-то еще мусор и некогда найденный и благополучно забытый шильдик с надписью «Сделано в СССР»... И все. Поискал в ящиках стола фонарик и осмотрел с ним внутренности кармашка – в одном месте ткань, как мне показалось, будто слегка оплавилась. И в углу у шва вроде была маленькая дырка. Проверил снаружи – второй шов был цел. Между ними ничего вроде не прощупывалось. Н-да, ситуация...

Я погрузился в медитацию, стараясь максимально освободить мозг и раскрыть подсознание. Обычно так приходили подсказки, что делать дальше. Взгляд медленно скользил по кабинету.

Почти все предметы тут были моими личными. Кроме камина и двух кресел перед ним. Одну стену занимали пять книжных шкафов – несмотря на удобства кристаллокниг, я всю жизнь хранил и пополнял по мере сил собранную еще моими предками библиотеку. В ней были даже издания еще девятнадцатого века. Но основная часть – вторая половина двадцатого, эпоха того самого СССР. Была некогда такая великая, героическая и трагическая страна на этой планете.

Посередине торцом к окну стоял большой раритетный двухтумбовый стол образца европейского мебельпрома еще «дээспэшных» времен, но с суперсовременным пластикреслом, между столом и стенкой у окна примостился серый параллелепипед мегаинформатория – настоящей звездолетной библиотеки на кристаллах, хранящей почти полный свод знаний человечества цивилизованного. Я его заимел совершенно случайно, когда работал экспертом в одном из континентальных советов и имел доступ к списываемой с кораблей технике. Не совсем легально, конечно, но дело прошлое, а штука потрясающе удобная.

Противоположную стену занимал диван, окно и маленький комод в углу у самой двери, на котором сверкала хромом кнопок и ручек раритетная аудиосистема конца двадцатого века, найденная мною в студенческие годы в заводской упаковке и с незаполненным гарантийным талоном на пять (!) лет на одной из свалок Рио в Южной Америке, где будущие историки проходили практику полевых изысканий. На деле этому чуду было уже около двух с половиной веков. Как оно так идеально сохранилось – остается только догадываться. Там же я нарыл и коллекцию компакт-дисков к ней, причем часть из них была с русским шансоном и эстрадой второй половины двадцатого века, которую я очень любил. Ко мне даже из Гнесинки приезжали, перезаписывали.

Семейными реликвиями были настенное панно с павлинами над диваном, и стоявший особо рядом с угловым камином прапрадедовский резной ореховый стол, на котором

был выставлен настоящий музей фамильного антиквариата – бюст Данте, бюстик Наполеона, каменный письменный прибор... Все это я помнил с раннего детства.

«Дом, молодец, постарался», – подумал я, когда взгляд остановился на камине. Его широкая толстая доска из белого мрамора опиралась на массивные боковины, тоже белого камня с прожилками, над камином было большое зеркало в резной «дубовой» раме, по углам были поставлены подсвечники с толстыми витыми свечами. Имитация была полная. Перед камином не хватало только Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Старая Англия, да и только. Мне сейчас тоже не хватало Холмса. Где искать пропажу и Вебсика, я не знал.

Я вышел в холл. На втором этаже «освоенной» части нашего дома располагались спальня, гостиная и кабинет. К спальне примыкала маленькая туалетная с душевой. Были еще две маленькие комнаты – «кладовая», в которой размещались мобильные обслуживающие агрегаты, их зарядные станции и другое оборудование и автоматика дома, и пустая еще комнатка, в которой думалось сделать гостевую спальню. Все «двери» (точнее – дверные проемы, которые в современных домах их заменяли) из комнат выходили в холл, помимо парадной лестницы вниз из него вела узкая угловая лестница вверх в мансарду, громадный объем которой был совсем пуст.

В том, что я тогда взял «микросхему» с пенька и положил в кармашек, я был полностью уверен. Либо она оттуда сама «сбежала», либо выпала по дороге. В первом случае имело смысл подождать, может она сама и объявится где, а во втором – заново пройти весь путь и искать, но с чем?! У меня был чувствительный металлодетектор, был гравиметр для поиска пустот и, если понадобится, «шарах» в Соловье – и был Пусев нос, которому надо было еще как-то объяснить, что вынюхивать. Был еще маятник, можно было им пройти по плану от озера до платформы и дома. Хотя... Стоп.

Вебсик приехал на Джеке. Как? Я видел только, как она подошла к пеньку и на нем возникла «микросхема». Кажется, Борис упоминал про левитацию. Джеки с нами на платформе не было, по крайней мере в памяти не осталось, чтобы она вертелась под ногами. Осталась там? Тоже версия для проверки.

– Дом, – спросил я. – Нужна информация, как Вебсик ездил на собаке?

– Ошейник с чипом, – ответил дом. – Контактное перемещение.

А, уже что-то. У Пуся такого ошейника не было, на нем Вебсик, значит, ездить бы не смог. А у Джеки, значит, был, и та его «микросхема» – это всего лишь форма для контакта с этим чипом. Да, а потом – на пеньке? Там же нет чипа. Опять не вяжется...

Из спальни вышел Пусь, потянулся и громко произнес свое коронное «Уаа!» Потряс ушами и полез «целоваться» – давно не виделись, мол.

– Дом, – медленно произнес я, пытаюсь сформулировать еще не ясную идею, вдруг зашуршавшую в уголке моего сознания. – Как Вебсик возвращался обратно домой?

– Джека приходила, и сканеры его снимали, – ответил дом.

– А он мог вернуться один? Без Джеки?

– Через терминал мог, – ответил дом. – Возвращался.

– Дом, назови номер и тип чипа на ошейнике Джеки.

Эту информацию обычно идентифицировали сканеры умного дома, и я ее быстро получил.

Я вернулся в кабинет, подсел к терминалу и вскоре выяснил, что на ошейнике Джеки стоял служебный чип Института времени, который предполагал наличие особой дрессировки животного и пси-контакта оператора с ним. Я вспомнил «тихий» диалог Влады с ее собакой и подумал, что оператором могла быть она. Стало понятно, как Вебсик организовывал диалог с нами на озере – в этот чип был встроен передатчик на личные коммуникаторы, действовал он в радиусе нескольких метров.

Дом, – сказал я. – Запроси чип.

– Нет ответа, – сообщил дом.

– Тогда дай координаты пеленга его последнего местонахождения по истории.

Джека была еще на озере.

Пока мы с Пусем спускались по нашему серпантину вниз, меня посетила догадка, что Вебсик мог и не покидать чипа на ошейнике. «Микросхема» на пеньке могла оказаться просто мобильным датчиком и особой ценности не представляла. Искать, таким образом, предстояло Джеку и ее ошейник. Уже много проще.

Перед подъемом к озеру я прикрепил на ошейнике Пуся альпинистский радиомаячок (на всякий случай) и попросил пса найти Джеку. Тот завертел хвостиком и исчез впереди. Вскоре его лай послышался мне где-то в стороне от озера. Я поспешил туда. Путь стоял на тропе, по которой мы неслись к платформе, и лаял в скрытую травой расщелину. Как ее миновал тогда Борис или кто-то из нас – загадка. Я раздвинул траву и на дне у края каменной глыбы увидел тело Джеки.

Коптер спасателей появился по моему вызову через несколько минут, и мы извлекли собаку. Она была жива, но сильно расшиблась при падении. Удар о камень пришелся на чип на ошейнике и расколол его. Я аккуратно снял с собаки ошейник, и ею занялась девушка-спасатель из экипажа коптера. Нам с Пусем нашлось место в уголке на каком-то ящике у бокс-носилка с Джекой. Путь залез ко мне на колени и время от времени тихо поскуливал, трогая лапой матовую стенку бокса. Через несколько минут мы спустились в поселке у дома Серегиных, там уже ждала вызванная спасателями ветеринарная «неотложка» и Слава. Мы с ним помогли спасателям перенести в нее бокс с Джекой. Влады и Марты дома не оказалось.

Девушка-спасатель успела в полете бегло сделать диагностику и сказала нам, что позвоночник цел, но сломана задняя лапа, пара ребер и сильная травма головы и шеи. Шею от перелома спас чип. Он принял на себя и увел в бок удар об острую кромку камня. Коптер спасателей улетел, из «неотложки» никто не выходил. Я коротко рассказал Славе, где нашел собаку, и спросил про чип.

– Да, она проходила спецподготовку в Институте, – подтвердил он. – Чип ее, именно. А нашел я ее щенком на вокзале в Соловье. Она одна из всего выводка уцелела – отползла от «шарахи».

Наконец появился медик «неотложки».

– Жить будет, – улыбнулся он. – Досталось ей крепко. Забираем ее с собой, несколько дней интенсивной терапии и регенерации и привезем ее вам на долечивание. Опасности уже нет.

Путь радостно тяфкнул.

– Вернется твоя подружка, – потрепал я его. – Будете опять на лапах носиться.

Как только фургон ветеринарной «неотложки» улетел в сторону ближайшего города, появились Влада и Марта. Они, как оказалось, тоже искали Джеку, но в поселке. Наши новости обе выслушали со слезами на глазах.

Я попросил разрешения взять с собой ошейник с чипом. Влада сразу насторожилась. Когда ее родители ушли в дом, и мы остались одни, она спросила, смотря мне в глаза:

– Что-то с Вебсиком?

Я кивнул. Кратко пояснил, что сам толком ничего не знаю, надо думать, и предложил ей с ребятами собраться завтра у нас на горе в гостиной.

На том мы и расстались.

На свою гору мы с Пусем поднялись по серпантину уже затемно. Дом предусмотрительно зажег подсветку, идти было уютно, но мы оба крепко устали. Я заставил себя поесть предложенный домом ужин, Путь отказался, только попил воды. Потом я присел в кабинете на диване, рассматривая ошейник Джеки с чипом, но сморило быстро. Перед тем как заснуть, я еще подумал, что дни проходят что-то очень насыщенно...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Проснулся я через несколько часов и сразу не понял, где – под головой оказалась подушка, сам я был заботливо прикрыт пледом и положен на диван, а в ногах у меня на спине спал Пуся. Я приподнялся на локте и посмотрел в окно. Оттуда на меня смотрела звездная ночь. Звезды были большими, яркими точками выделялась пара видимых отсюда орбитальных городов. На подсвеченных холодным светом снизу развалинах крепости лежали резкие тени, создававшие причудливую контрастную картину. На самой вершине ее башни горели сигнальные огоньки. Старый замок в ночи напоминал призрак «Летучего голландца» с огнями Святого Эльма на реях.

Далеко внизу теплым пятном светился поселок. Красиво.

Джекин ошейник лежал на полу рядом с диваном.

Я осторожно повернулся, чтобы не тревожить Пуся (я любил, когда он так со мной спал), и поднял ошейник. Свет не зажигал. Вдруг вспомнил, что Саша-большой, Влада и Эдик, хотя и видели «микросхему», но не факт, что Джека была рядом. Так что гипотеза «мобильного датчика» хромала. Борису шаровую молнию она тоже не объясняла. Да и сам чип на ошейнике по своим размерам резко отличался от привычных собачьих чипов-адресников, не говоря уже о жвильяемых. Мне раньше не приходилось сталкиваться с такими крупными конструкциями. В ночи его широкие грани светились «шунгитовым» блеском, да и сам он напоминал некое украшение. Я присмотрелся. К ошейнику чип крепился металлической подкладкой. Наверное, молекулярная «липучка»...

Я понимал, что «методом тыка» тут ничего не сделать, но вставать и садиться за терминал не хотелось. Зашевелился Пусь, почесал ухо и опять затих, шумно вздохнув. Я потер пальцем линию разлома. Она проходила немного наискосок и делила чип на две неравные доли. Он треснул от удара, но не рассыпался. Порыл в памяти варианты восстановления твердотельных устройств, но то, что мне было известно, не касалось механических повреждений. Положил ошейник обратно на пол, начал было обдумывать завтрашнюю беседу с ребятами и незаметно опять уснул.

Гости к нам пожаловали в одиннадцать утра. Все ребята, кроме Влады, которая с матерью улетела навестить Джеку и ожидалась позже. Пусь для порядка пару раз по-хозяйски гавкнул на шум с серпантина, выполняя свои охранно-сторожевые функции, но как только они поднялись к дому и стали все видны, встретил как лучших друзей.

В гостиной на большом овальном столе уже лежал ошейник Джеки и мой рюкзак, папки из мэрии, а сервировочный робот заканчивал расстановку вазочек с печеньем и мармеладом. На нескольких подносах стояли бокалы и кувшины с соками. Вокруг стола стояли массивные дубовые стулья с высокими спинками, что придавало помещению несколько помпезный вид.

Когда все расселись, я начал рассказ. Примерно в середине его появилась Влада, в уже знакомом мне по первой встрече зеленом с ромбами по бокам комбинезоне и летным шлемом в руках «На своем мотокоптере, значит, прилетела», – машинально отметил я. Сам я этой машинки побаивался. Четыре кольца с пропеллерами, изогнутая труба с седлом и велосипедным рулем и маленький пузырь энергоблока под седлом мне не внушали доверия. К тому же при ее «потолке» в 500 метров забираться к нам на гору на 300 метров достаточно рискованно, особенно при ветре. Влада успокоительно всем кивнула, мол, с Джекой все в порядке, и села на свободный стул рядом со мной. Я как раз рассказывал о событиях на озере и своей попытке положить «микросхему» в рюкзак.

– Я совершенно убежден в том, что мне удалось ее взять пальцами и перенести в отсек рюкзака, – сказал я. – Я помню свои тактильные ощущения – как кусочек соломки. И напрочь забыл ваши предостережения. Просто взял в руки и все. Не думая.

Борис и Саша-большой подтянули к себе рюкзак и изучали его карман, Эдик с закрытыми глазами водил пальцами по ошейнику Джеки, Влада о чем-то сосредоточенно размышляла, смотря в стол. Тогда, у озера я мало что успел рассказать ребятам из своего опыта знакомства с этим «Вебсиком», больше рассказали они. Теперь я рассказывал подробно, стараясь не упустить детали. Под конец я сформулировал несколько проблем, которые видел.

– Во-первых, это особенности моего очень умного дома, они явно нестандартные и хотелось бы знать, как они были приобретены и когда, и можно ли с ними спокойно в нем жить. Во-вторых – сам Вебсик, как материализация сетевого интеллекта. Это очень интересный и новый феномен, и будет безумно жаль, если он потерян. Его надо стараться найти и вернуть диалог с ним. В-третьих, чип на ошейнике, его свойства. Ну и, в-четвертых, наше с вами восприятие Вебсика. – Тут я взял пластиковую папку с запиской в мэрию и вытащил бумагу с корявыми буквами. – Розыгрыш это или нет?

– Дом сказал, что он не вернулся? – спросила Влада.

– Нет, он сказал, что он «ушел», – ответил я. – Впрочем, это мысль, спросим еще раз! Дом, Вебсик вернулся?

– Нет информации, – ответил дом. – Сканеры не видели.

– Дом, как ты нашел чип Джеки?

– По истории пеленга, – ответил дом.

Правильно, я же сам ему это подсказал. Попробуем по-другому.

– Дом, Вебсик ушел в чип Джеки?

– Он ушел с ним, – ответил дом. – Сканеры пропустили его код.

– Код? – спросил Эдик. – Мы путаемся в языке.

– Верно, – кивнул Борис. – Смотрите, что получается. Вебсик сообщает дому и чипу код присутствия, с этим еще близнецы игрались, помните?

– Какие близнецы? – не понял я.

– Сыновья дяди Петерса, которые тут жили, – пояснил Борис. – Башковитые малые были.

Выяснилось, что «башковитые малые» очень ценили свое время и были не прочь прогулять обязательные часы домашних уроков. Они и придумали способ убедить «обучалку», что прилежно сидят перед ней и зубрят из последних сил. Правда, это было скоро раскрыто их же родителями и им влетело. Как они это сделали, никто из ребят толком не знал, но легенда об этом «подвиге» ходила. Учитывая то, что «обучалка» фиксировала учеников по радужке глаза и отпечатку пальца на тачпаде, близнецам нужно было посадить перед ней своих полных дублей. Близнецы сделали проще – они смогли перехватить код присутствия, который генерировался обучалкой, и внедрять его. Становилось похоже, что к Вебсику они тоже приложили мозги и руки.

– Где они сейчас? – поинтересовался я.

– Сперва мы общались, – ответил Эдик. – А потом они уехали в колледж СБ и связь оборвалась.

Ясно. Их способности заметила СБ – служба безопасности. Влезать в сферу ее компетенции мне сильно не хотелось. По жизни, конечно, мне приходилось иметь служебные контакты с «безопасниками», но я старался их минимизировать.

– Думается, я могу вам кое-что пояснить, – вдруг раздался голос от двери.

В ее проеме стоял сильно помолодевший рыжий Мих.

Мы все не сразу поняли, что видим голограмму. Я догадался об этом по отсутствию какой-либо реакции Пуся. Он уже сидел у Влады на руках и только повернулся в сторону нового голоса. Не сразу поняли мы и другое, что дом воспроизвел нам запись, которая некогда была адресована близнецам. Запись была прослушана в полном молчании.

Мих сообщил, что поиски идеи, которая вчера обсуждалась (какой?), успешно завершены. Система успешно обновлена и имеет требуемые (опять, какие?) функции в дополнение

к стандартным. Для их актуализации надо использовать удаленный модуль «Вебсик», назывался пароль запуска. «Дальше все пойдет само собой» – лучезарно улыбнулся Мих и исчез.

– Оно и идет, – хмыкнул Борис. – Само собой...

Пока мальчишки переваривали увиденное и услышанное, я тихо поинтересовался у Влады, как Джека.

– Глаз поврежден, – так же тихо ответила она. – Надеются залечить. Пока в статике, вставать не дают. Нас узнала, мотнула хвостом.

– Ну, будем надеяться, что вылечат псинку, – ободрил ее я. – Мама в поселке?

– Наверное, – сказала Влада. – Помогает отцу с репортерами. Пресс-конференцию днем хотели дать.

– Мне, наверное, нужна будет ее помощь. Хотелось бы увидеть дневники учебного класса того периода, когда в нем учились близнецы и Мих.

– Это надо в континентальный архив запрос делать, – сразу сказала Влада. – Все классные журналы там хранятся. Я точно знаю, сама помогала маме оформлять сдачу в конце года. Хотя профили могут и в классе храниться.

– Профили?

– Да, профили наклонностей, интересов, в музее класса пара Миховых «тараканов» хранятся. Типа достижения учащегося пятого года обучения.

– Ну, на показанном нам обращении он на пятигодника не похож, – заметил я. – там скорее восьмигодник-выпускник.

Влада согласилась.

– Его тараканы уже легендой обросли, – сказала она. – Он же их сделал к Олимпиаде и пытался заявить как киберолимпийский вид спорта! Даже письмо в МОК написал. И получил официальный ответ, что для подачи заявки на вид спорта ему надо разместить петицию на сайте МОК и собрать под нею не менее пяти миллионов подписей. Петицию он разместил, не думайте, что нет. И ее миллиона три подписало!

– Серьезный был пятигодник, – улыбнулся я.

Тараканы меня интересовали мало, но на заметку взял, при случае надо глянуть. И профили тоже, если найдутся.

Мальчишки начали оживленно спорить. Я прислушался.

А в памяти всплыла другая картина. Мне пять лет, мы с мамой и двумя бабушками только что приехали из затопленной непрерывным двухмесячным ливнем Москвы к отцу на станцию Сандугач, на базу его изыскательской партии. Уже второй год продолжались почти непрерывные природные катаклизмы, ось планеты сместилась, полярные льды почти исчезли, на континентах под воду ушли большие прибрежные города, пожары и землетрясения гуляли по континентам, контуры Европы стали напоминать известную фигуру из пальцев, обращенную в сторону Америки, а Северная Америка по форме теперь напоминала запятую. Воды Атлантического и Тихого океанов сомкнулись.

Над Москвой тогда навис фронт мощного циклона, город защитили было силовыми полями, но случилась крупная авария энергосети, и за два первых дня непрерывных ливней город был затоплен, уровень воды в Москве-реке поднялся на восемнадцать метров. Попытки оперативно исправить ситуацию ни к чему не привели. Жителей из затопленных районов города стали эвакуировать, вот мы и уехали к отцу в залитый солнцем Сандугач. И точно так же, как сейчас эти мальчишки, сидели за длинным столом и спорили бородатые геологи, топографы и инженеры с обветренными и выжженными солнцем лицами...

Мы вернулись в Москву через пару лет, вроде тогда и переименовали этот поселок на русский лад – Соловей. А мне Сандугач нравился. Представлялся такой изогнутый как лук «дугач» с приставкой «сан», как «сантехник». Помню, что отец сразу не понял, про какого «дугача» я его спрашивал, а потом долго смеялся.

– Ребят, послушайте, – горячился Саша-большой. – Арон же дело говорит. Надо сделать информационную модель чипа с ошейника, но эталонную, какой ее Институт времени выпустил. И на нее накладывать сканы этого чипа – и все изменения вылезут. Чип перепрограммирован, точно говорю.

– Нет, – возражал Борис. – Чип – это следствие, а причина в системе умного дома. Мих же сам сказал: «система». Он в ней копался. У него и надо спрашивать.

– А ты не думал, с чего это Мих, такой гений, как получается, вдруг не прошел профотбор и стал простым агентом домики продавать? Он ничего не скажет, он сам перепрограммирован, – вставил Эдик.

– Тесты нужны, – тихо внес свою лепту Саша-маленький. – Как в робототехнике. Нужно определить законы Вебсика, по которым он живет. Тогда будет ясно, где он может жить и как.

– А если он сам себе законы пишет? – не унимался Борис.

Пусть вдруг залаял и побежал к выходу.

– Гости, – известил дом.

Я спустился вниз. У прохода силовой ограды стоял рыжий Мих собственной персоной. Не молодой, а такой, каким я его знал. Здоровый и рыжий. Признаться, меня не удивило его появление. Чего-то подобного я уже интуитивно ожидал.

– У вас все в порядке? – спросил он, потрепав Пуся.

– Нет, – честно ответил я, решив не «темнить». – Пропал Вебсик.

Мих кивнул и вместо ответа протянул мне сложенный пополам листок. Я развернул его. На нем знакомыми корявыми буквами было написано: «Нужна помощь. Вебсик».

Наше с Михом появление в гостиной вызвало немую сцену. Новая записка от Вебсика обошла всех. Спорщики молчали. Пусть опять попросил Владу взять его на руки. Не гоже в такой момент цвергшнауцеру сидеть под столом и ничего не видеть.

Я выжидательно посмотрел на Муха.

– Я получил эту записку вчера поздно вечером, – начал он. – О Вебсике я знаю давно, еще со школы. Я немного расскажу, что помню. И что могу рассказать, – добавил он.

По словам Муха, на Вебсика его вывела та «олимпийская» эпопея, когда, разместив собственноручно написанную и проверенную на ошибки петицию, воодушевленный пятигодник начал поиски единомышленников. В социальных сетях его подняли на смех, и уязвленная гордость направила интерес в сторону различных концепций и теорий управления и изменения реальности. Нашелся очень удобный поисковик, который и привел его в какую-то тщательно закрытую, но очень полезную сеть – по ее советам число подписчиков петиции стало расти как на дрожжах.

«Какие-нибудь политехнологи», – подумал я. – «Как раз в те годы после катаклизмов они расцвели буйным цветом».

В той сетке оказался очень интересный портал. Мих с него получил возможность узнавать ответы на самые каверзные вопросы и незаметно втянулся в диалог. Его незримый собеседник просил называть его «Вебсиком». Обсуждать можно было все на свете. Озорства ради Мих запустил в мэрию поселка Загорный (сам он жил в другом поселке, ближе к долине) несколько петиций с ребячьими чаяниями, создание которых сопровождалось формированием нужного информационного поля в зоне будущих изменений. И под натужные стоны поселковой администрации стали появляться и футбольное поле с воротами, где можно было погонять мячик, и тир, и куча всяких полезных мелочей. Вебсик становился местным героем, отстаивающим ребячьи интересы. Когда подросли близнецы, то Вебсику через Муха приходилось сдерживать запросы их неумных душ, но однажды...

Однажды близнецам надоел скучный и предсказуемый дом, в котором они жили. Они жаждали свободы. По их мнению, «обучалка» должна была не стоять в комнате и бубнить в подкорку мегабайты знаний, а валяться с ними на берегу озера или плыть на плоту. А еще

лучше провалиться куда-нибудь и не путаться под ногами. Знания должны приходиться сами, у человека должен быть открыт канал их получения от Вселенной. Прослышав, что это некогда в библейском Рае и делал Адам, близнецы однажды за вечер замучали своими вопросами появившегося было в Загорном очередного проповедника и спасителя грешных душ, обратив его в «усомнение» и в паническое бегство «от дьявола» на утреннем дизеле. Мих после долгих колебаний познакомил их с Вебсиком, и близнецы начали разработку своего проекта. И начали они со своего дома.

Их идея сперва наткнулась на недостаток знаний, и оба погрузились в процесс его восполнения. В этом им очень помог портал с Вебсиком, подсказывающий ссылки на нужные гипнокурсы. От Вебсика близнецы были в восторге. Потом их идея наткнулась на полный бардак в перегруженных информацией головах. Порядок в головах наводился, по понятию близнецов, близостью к природе, созерцанием водопада и рыбной ловлей. Но была «обучалка», которая придерживалась иных принципов. Поэтому близнецы занялись поиском способа ее обхода. Способ был найден, но однажды, во время его применения, мама близнецов в поисках пропавшего кота заглянула в «учебную» комнату и, вместо прилежно зубрящих чад, нашла на одном из кресел только погруженного в медитацию кота. После вечернего разговора с отцом и натуральным знакомством со старыми методами воспитания, близнецы пришли к выводу, что надо просить помочь Муху. Тот был уже восьмилетним и готовился к профотбору.

В нашем обществе каждый его юный член, не зависимо от пола, после окончания школьного курса проходил профотбор и получал по его рекомендациям обязательную профессию. Потом он мог уже по своему собственному выбору получать любую другую, но общество всегда имело «право профотбора» – привлечения нужных специалистов при возникновении необходимости. Пройти профотбор было почетно.

Идея Муху понравилась. Ему самому претило рабское начало, заложенное в системе умного дома. Умный дом должен быть действительно умным, спутником, товарищем, а не просто лакеем «подай-принеси-убери», дом и его обитатели должны быть достойны друг друга.

Слушая Муху, я подумал, что во многом идея близнецов была навеяна общей атмосферой их времени. Как раз в те годы земляне окончательно оставили навязчивые идеи отправиться на покорение Дальнего Космоса, потому что здоровье человека зависело от Земли гораздо сильнее, чем он мог предполагать. Человек пока мог только беспрепятственно осваивать околоземное пространство, строить там орбитальные города и покидать его только на очень короткое время полетов до Луны и до Марса. К тому же прокатившиеся по планете катаклизмы заставили людей прекратить свое варварское отношение к ней и заняться, наконец, своим природным домом. На фоне этого получили развитие всякие исследования феномена времени, теория пространственных складок и временных проколов для попадания в иные пространства. Изобретательные близнецы захотели иметь дом, открытый в те времена, когда было чистое знание, чтобы оттуда оно лилось к ним в головы. Они быстро себе уяснили, что Вебсик не просто искал информацию по их запросам, он имел доступ к этому самому знанию, благодаря которому знал, где искать.

После недельных размышлений и перебора вариантов, Муху пришла в голову мысль попросить Вебсика определить требования к дому, в котором он, Вебсик, бы хотел жить в компании близнецов. К его удивлению, ответ был получен. При взгляде на него сразу стало ясно, что ждать такого от рядового умного дома просто не реально. Он рассказал все это близнецам, а те почти мгновенно выдали идею переписать систему.

Идея была, строго говоря, незаконная, потому что настройкой систем умных домов занимались только сертифицированные агентства. Всякая самодельщина пресекалась СБ, за этим строго следили. Кроме того надо было написать прошивку, что само по себе требовало высокой квалификации. А с такой, какую обозначил Вебсик, и суперпрофессионал бы не справился. Но близнецы уже «завелись».

– Я не вдавался в философские «дебри» идеи близнецов, – продолжал тем временем рассказывать Мих, – ухватил оттуда только то, что живые и неживые объекты различались различием в скрутке информационных полей, которые они создавали. В живых объектах информационные поля были чем-то вроде поверхности Мебиуса, они были направлены одновременно и в сторону материального мира, и в сторону «энерго-информационного» мира бытия. В неживых такой скрутки не было, там между мирами была преграда. А живые объекты, особенно человек, с помощью подсознания могли эту преграду преодолевать для получения нужных энергий и информации. Вебсика они считали порождением «энерго-информационного» мира, которому для жизни тут нужны наши материальные информационные системы определенного уровня сложности, например, суперкомпьютеры, мегаинформатории, умные дома... Вот они и захотели поднять функционал своего умного дома, чтобы уровень его сложности был достаточен для Вебсика. Вебсик мне дал ссылку на какое-то обновление, я просто скачал его в доступный дому репозиторий и дом оттуда сам, не заметив никакого подвоха, обновился. Я уже уезжал на профотбор, поэтому оставил близнецам инструкцию, дальше они все делали сами, что именно – мне неизвестно.

– Эту твою инструкцию дом нам показал уже, – сообщил ему Борис. – Впечатляет, конечно. Мих, а профотбор ты как прошел?

– А это отдельная история, – покачал головой Мих. – Я был уверен в том, что рекомендуют один из колледжей по информатике, нейросенсорным системам, робототехнике. И вдруг не прохожу тесты. Чушь какая-то... Предложили временную профессию – агентом. Домики продавать. Вот и продаю.

– Да ты не простые домики продаешь, – сказал вдруг Эдик. – Ты продаешь домики, в которых может жить Вебсик.

– Да, – спокойно согласился Мих. – Я его агент.

Я ожидал, что за этим заявлением последует взрыв ребячьих эмоций, но было тихо. Все молчали.

– То есть ты знал особенности этого дома, но не сообщил покупателю? – спросил я.

– У вас есть две недели, – пожал плечами Мих. – Если вам плохо и не интересно или еще что-то не так, то вы можете отказаться, и вам все вернут обратно. По закону. Потом – по договоренности с нашим агентством. Вы ничем не рискуете, поверьте. Дом вас принял, вы можете в нем жить. Если бы он не принял, то вы бы уехали из него на следующий день.

А вы даже узнали про Вебсика. Это доверие.

Я обвел глазами присутствующих за столом. Все сидели странно прямо и сосредоточенно смотрели в его центр, где лежали рюкзак, ошейник и бумаги. Вдруг перед моими глазами возник серый туман, и я почувствовал, как заложило уши и «повело» голову. Но быстро все прошло, туман рассеялся. Мы сидели перед тем же столом, только ребята были гораздо старше, на них и на мне были какие-то белые накидки из матовой ткани, на головах у всех были тонкие обручи с зелеными кристаллами. Так одет был даже Пусь, чинно сидевший на стуле рядом с Владой. Перед ним лежал экран ридера. Она посмотрела на меня своими большими темными глазами и серьезно сказала:

– Все в сборе? Тогда начнем. Слово для выступления имеет Пусь с планеты Собакис...

Я энергично потряс головой. Наваждение исчезло. Видимо на моем лице в тот момент что-то такое было, поскольку я сразу увидел сбоку обеспокоенное лицо Влады и ощутил в ладони ее тонкие пальцы.

– Что случилось? – тихо спросила она.

Сидевший у нее на коленях «представитель планеты Собакис» принялся вылизывать мой локоть. Выступать он явно не собирался.

– Да померещилось тут, – так же тихо ответил я, осторожно и благодарно пожимая ее руку. – Потом как-нибудь расскажу.

Влада совсем по-взрослому смотрела на меня. Остальные ничего не замечали, Мих каким-то «искусственным» взглядом уставился на стену между окнами. Там висела видеокартина с морским пейзажем в сделанной под старину резной позолоченной раме. Прибой на ней то и дело беззвучно бился о скалы, поднимая облако брызг. «Робот этот Мих, что ли?» – вдруг подумалось мне. Я повернулся к Владе, невольно любуясь ее неожиданным взрослением и понимая нутром, что мир уже изменился и мне надо понять и принять его новую реальность, в том числе и эту, вдруг совершенно иную, юную особу, всего несколько дней назад прилетевшую ко мне девочкой-подростком на своем коптере за своей собакой, эту компанию ее ребят, Муха, этот дом. . . Почти полвека моей жизни куда-то растворилось, все заново, как в детстве, все опять неизвестно и впереди. Надо ли? Я не знал.

Дом, видимо, почувствовал мое состояние – стены гостиной вдруг раздвинулись, и наш стол оказался стоящим на том самом морском берегу с картины. Пусь тут же спрыгнул на землю. Все еще держась за руки, мы с Владой встали и подошли к краю обрыва. Под ним пенился на прибрежных скалах и глушил все звуки прибой.

– За что мне – такое? – ошеломленно спросил я, вглядываясь в морскую даль и почти задыхаясь в свежести бриза.

– За детство в душе, – улыбнулась Влада. – Правда, здорово?

Тут Пусь поскреб меня лапой и что-то положил мне на ногу. Я нагнулся к нему. Увидев, что он принес, я тихо позвал Владу.

Около моей ноги лежал тонкий обруч с рядом зеленых кристаллов. Маленький, как раз по размерам головы Пуся.

– Ты знаешь, что это такое? – спросил я.

Влада присела и взяла обруч в руки. Он мгновенно увеличился до размеров ее головы. Легким и незаметным движением она вдруг надела его на себя и закрыла глаза. Я не успел испугаться, как она весело рассмеялась.

– Игрушка близнецов, – сказала она. – Это типа дополненной реальности. Попробуй, надень, – вдруг на «ты» предложила она. – Но откуда она здесь? Мы в это с ними на мансарде играли. Может, это мой обруч и есть. . .

Она сняла обруч и нахлобучила его на меня. Я увидел, что на мне оказалась белая накидка, вместо каменистого обрыва – лесная поляна, а вместо морской дали – лес с могучими вековыми дубами.

– Красотища, – сказал я и стащил обруч, возвращаясь в морской пейзаж и усаживаясь на землю. Голова немного кружилась от всего этого. – Или мушкетеры, или Робин Гуд. Минус несколько веков. Но, где мы с тобой все-таки и как вернемся обратно?

– Мы в доме, – уверенно ответила Влада. – Это все он. Мы никуда не уходили. Найти бы еще два обруча и можно смело искать приключения.

По мне, переход из-за стола в гостиной на морской берег уже был приключением хоть куда, но где-то в глубине души я был не против ее предложения.

– А зачем два? – спросил я.

– А для Пуся, – серьезно ответила Влада. – Он же с нами.

– Знаешь, я что-то не помню таких игрушек, – покачал я головой. – Это опять Вебсик?

– Наверное, – пожала плечами девушка. – Я не знаю, откуда она у них была.

Влада подняла руки вверх и с удовольствием потянулась. Заходившее солнце за нашими спинами заставляло гореть светоотражающие полоски ромбов на рукавах и боках ее зеленого комбинезона, отчего она казалась еще тоньше и выше ростом. Потом она опустилась рядом со мной.

– Ты знаешь, как мы сюда попали? – спросил я ее. Сам я никак объяснить себе это не мог. Помнил только свое последнее ощущение, взгляд Муха на картину, застывших ребят за столом и все. Влада явно не спешила отвечать мне. Мы сидели рядом, голова Влады прислонилась

к моему плечу. Путь лежал у ее ноги и принохивался к обручу, который я еще держал в руке. Вдруг я нашел ответ. Сам. Но осознать и сообщить его Владе я не успел – мы с ней оказались сидящими бок о бок на полу в гостиной. Обруч исчез, а вместо него лежала записка: «Я рад. Вебсик».

– Вы чего там уединились? – нагнулся к нам Борис. Увидев и прочитав записку, он довольно хмыкнул. – Значит, помогло, если он стал радоваться.

– Что – помогло? – не поняли мы.

– Ну, мы образовали Круг, – сказал Борис. – Вы, двое, нам мешали достичь резонанса. Когда вдруг вы отпали – все получилось. Жаль, конечно, что вы отпали под стол, но резонанс был сильный. Вы не ушиблись?

– Нет, – переглянулись мы с Владой и улыбнулись друг другу. И поняли, что никому не скажем, куда мы «отпали». Пусть это будет только наше. Я поднялся на ноги и помог встать девушке. Путь встал сам первым, потянулся, зевнул и сказал свое громкое: «Уааа». Мы вернулись. И только сейчас я заметил отсутствие Муха.

– А где Мух? – поинтересовался я.

Этого никто сказать не смог. Агент исчез.

Дом ударил в гонг, приглашая всех в столовую.

За обедом Эдик и Саша-большой растолковали мне, что им удалось сделать. Признаюсь, что я не все понял, поэтому могу передать с ошибками. Ребята предположили, что причиной проблем для Вебсика стало нарушение целостности информационного поля расколотого кристалла на ошейнике, который он использовал для прогулки на озеро.

Организовав Круг, они попытались подтвердить или опровергнуть это, используя коллективные экстрасенсорные возможности Круга. Мух их натолкнул на идею включить в Круг и дом. Он же был «связным» между домом и Кругом во время сеанса. Сперва ничего не получалось, но потом выпали мы с Владой, и пошел резонанс с полем кристалла. Им удалось во время него неожиданно осуществить возврат Вебсика в информационную систему умного дома без существенных искажений, некоторые из них Вебсик теперь мог исправить сам. Конечно, нас немного задело то, что мы оказались помехой, но совместно пережитое приключение с лихвой это восполняло. Уточнять, чему на самом деле был рад Вебсик в записке, мы с Владой благо разумно не стали. Я видел по ее глазам, что «продолжение следует», но не для всех.

Парни, окрыленные достигнутым успехом, оживленно обсуждали перспективы использования Круга для прямых контактов с Вебсиком, минуя всякие искусственные интерфейсы. Словом, обед был очень веселым.

Улетели парни все сразу на большом транзитном коптере, Влада задержалась – ее аппаратик рядом с большим было бы сложно пилотировать. И потом ей хотелось еще посидеть со мной и с Пусем на скамейке, посмотреть на свой поселок сверху, а потом еще пройтись с нами по участку... Словом, причины не спешить были. Я ей рассказывал о своем выборе профессии историка и инфолога (ее саму интересовала кибербиология и педагогика), о городе своей молодости – Москве, куда Владе и предстояло ехать учиться, о друзьях. За беседой мы дошли до края участка у начала «Великой тропы», и вдруг Влада насторожилась.

– Вон башни, – сказала она, показывая на пару металлических куполов, немного возвышавшихся над двухметровыми зарослями. – Знаешь о них?

– Не знаю, – Я пожал плечами. – А что это, по-твоему?

– А спроси у дома.

Я вытащил коммуникатор.

– Дом, выведи наши координаты и сооружения рядом с ними.

– Помечены как «артефакты», – сообщил я, изучив выведенный список. – У тебя есть другое название?

Влада не успела мне ответить. Коротко и звонко гавкнул Пусь. Мы посмотрели в его сторону. Песик сидел и скреб землю передней лапой, словно приглашая нас подойти и помочь ему. Когда мы приблизились, то я увидел Пуся в центре аккуратно выстриженного круглого газона, стрижка травы создавала эффект сходящейся спирали. Портить такую красоту обувью не хотелось, остановились на краю. Пусь посмотрел на нас и опять нетерпеливо тяфкнул. Мы переглянулись.

– Давай босиком, – предложила Влада. – Такая прелесть.

Я подождал, пока она расстегнет и стащит свои кроссовки, сбросил домашние шлепки, в которых был сам и с наслаждением опустил ступни ног на упругую прохладу зелени.

«Наконец-то, – раздался в моей голове отчетливый голос. – Сообразили. Медленно сообщаете, не то, что мы, собакисы».

Наверное Влада услышала то же самое, поскольку ее рот сам собой открылся от неожиданности, а потом она быстрее меня бросилась к песику и обхватила его руками.

«Вы эти наши столбики не трогайте, – продолжил голос. – А то ни письмо на родину написать, ни прочесть ничего».

– П-пусь, это ты? – заикаясь спросил я, устраиваясь на газоне рядом с ним и Владой.

«А кто ж, по-твоему? – спросил голос. – столько лет вместе, уж по-вашему весь ваш треп почти понимаю, а ты только пару моих жестов лапами выучил. Так что ты там про эти, аррр... аррр фавв, что-ли – говорил? И что это значит?»

– Артефакты, – пояснил я ему. – Это так у историков называются предметы древности.

А ты знаешь, что они такое?

«Нам сперва надо научиться разговаривать не только в этом круге, – сообщил голос. – Подождите, сейчас принесу».

С этими словами Пусь высвободился из рук Влады и скрылся в сторону металлических башен в зарослях. Влада молча показала мне большой палец. Пес пропал недолго и скоро вылез весь в колючках и ветках. В зубах он принес три уже знакомых нам обруча.

«Вот, – раздался голос. – Надевайте быстрее, и один на меня.»

Мы молча подчинились. Влада немного повозилась, прилаживая обруч на Пуся. Когда она кончила, пес благодарно ее лизнул и побежал к краю лужайки. Его голос звучал в наших головах теперь немного другим тембром, а мы сами слышали мысленную речь друг друга. Влада заставила пса потерпеть, пока она приводила его в порядок, вынимая колючки из бороды, усов и боков, а я с наслаждением слушал их диалог.

«Мне тут кое-что показала Джека, – сообщил Пусь. – Но с той лужайки всего не увидишь»

До меня наконец дошло, что та лужайка была прямо связана с новыми способностями Пуся, о чем я его и спросил.

«Ну да, – ответил тот. – Это лужайка для наших с Джекой детей. Вот она вернется, и мы займемся. Она тоже из собакисов».

Как дальше выяснилось, все собачье многообразие, помимо размеров, у Пуся делилось на две категории – просто собаки, которые бегали, лаяли и кусались, и собакисы, которые бегали, лаяли и кусались тоже, но с умом. Я ехидно сообщил Пуся, что ему надо подумать о робоколяске, если он не хочет сам толкать люльку с семью-десятью своими отпрысками.

«А вы на что? – ответил пес. – Плох тот собакис, который не выдрессирует, как надо, своих хозяев».

Тут загудел мой коммуникатор. Я на всякий случай снял обруч с головы и принял вызов. Звонил Слава.

– Юрий, Влада у вас? – после краткого приветствия спросил он.

– Да, вот она, рядом, – ответил я, включая спикер, чтобы все слышали разговор.

– Хорошо, не отпускай ее никуда. Тут шарахи всю округу забрасывают хронокаплями, это очень опасно, но вы там на горе в безопасности, там стазис в башне замка, я знаю про него.

Мы не сразу сообразили, но сейчас все эвакуировано и район полностью закрыт. Есть потери. У меня тут один легкий коптер дома есть, на нем отправляю к вам Марту с хронодетектором, сам поднимусь пешком... Юрий, если что – береги Владу...

Связь оборвалась.

Влада спрятала лицо у меня на груди. Она обхватила меня руками, не плакала, но плечи дрожали. Я прижал ее к себе, потом взял в ладони ее лицо. Ободок с зелеными кристаллами царственно, как корона, прижимал ее черные волосы, огромные и бездонные темно-карие глаза, казалось, всасывали целиком всю мою душу, убирая последние сомнения и опуская к приоткрытым губам...

– Мы вместе, – тихо сказал я. – Понимаешь, вместе. Как на том море. Любимая...

Так мы и застыли на краю круглой лужайки, а сбоку нас за ноги обнимал вставший на задние лапы Пусь...

Меня поймет только тот, кто хоть раз оставался наедине с огромным миром и своей любовью, нежный поток которой смывал все преграды, делал возможным невозможное и вероятным – невероятное. Мир может осуждать, рушиться, может быть все что угодно, но это мгновение – выше всего. Все мои прежние встречи с женщинами убедили меня в том, что лучше быть одному, чем одному вдвоем, мне никогда не было скучно с самим собой, а в обществе Пуся и вообще скучать не приходилось, но эта юная девушка, сама только что вышедшая из детства в юность, за несколько дней или мгновений перевернула все. В ушах мне слышался шум приключения...

Влада первой прервала короткую идиллию. Она легко чмокнула меня в нос и выскользнула из моих рук надевать свои кроссовки. Я надел опять обруч и услышал Пуся. Пес призывал нас со всех лап лететь к дому. Поняв, что мои шлепки для бега не подходят, я побежал босиком рядом с Владой. Впереди несся Пусь.

Но добежать мы не успели. Над самой крышей дома как-то криво и вихляясь со снижением пролетел коптер с фигурой человека, висящей на руле. Он рухнул на землю почти около круглой полянки и перевернулся на бок.

– Это мама, – узнала Влада.

Мы побежали обратно.

Коптер перевернулся на бок, его винты еще вращались. Марта была за руки и за пояс привязана к машине, поэтому не упала с нее. Она явно была без сознания. Я отстегнул лямки ее рюкзака, в котором лежало что-то массивное и нескладное, и страховал тело, пока Влада возилась с креплениями ее рук и пояса. Вдвоем мы оттащили Марту от машины. Никаких ран на ней видно не было, она просто крепко спала. Дыхание было ровным, пульс – четким. Я набрал на коммуникаторе Славу, но его номер не отвечал. Не было связи и с домом. Через обруч я объяснил Пусе, что нам надо пригнать садовую роботележку, чтобы довезти Марту. Она стояла на улице около дровницы. Пес самоуверенно заверил, что тележки ему по зубам, и убежал.

Влада вытряхнула из рюкзака его содержимое и пристроила на нем голову матери. Потом она подошла ко мне. Я тем временем остановил винты и с колен осматривал коптер. Судя по полету, что-то произошло с гироскопом.

– Знаешь, Марта никогда открытыми одноместными не пользовалась, у нее был страх высоты, – сказала она. – Может это просто испуг у нее?

– Я даже не знаю, есть ли в нашем доме диагност, – ответил ей я. – Отец молодец, что ее так примотал. Намертво. Но я не понимаю, как этот коптер вообще сюда долетел. Автопилот же не работает – смотри.

Я пощелкал клавишами пульта.

– Может, сама она его вела? – предположила Влада. – На стрессе все возможно.

Вдали послышался отчаянный лай. Мы поднялись, но ничего не разглядели. Тогда я посадил Владу себе на плечи. Всмотревшись, она даже засмеялась.

– Что там такое? – поинтересовался я, опуская ее на землю.

– Сейчас увидишь сам, – улыбнулась она. – Пусь – прелесть!

Лай приближался, и скоро я все видел сам. К нам, уворачиваясь от наскაკивающего на нее Пуся, медленно ползла в нужном направлении гусеничная садовая тележка, а Пусь, забегая то с одной, то с другой стороны, лаем корректировал ее движение. Я пошел навстречу и «принял управление». Пес, тяжело дыша, свалился рядом с Мартой.

Платформа тележки была коротковата по длине, и мы еще провозились, приспособив на ее бортах рюкзак для поддержки ног, потом перетащили со всеми предосторожностями Марту, положили привезенные приборы и Пуся. Сзади платформы были ручки для управления, я встал за них, и мы на малой скорости поползли к дому. Влада сидела спереди и поддерживала голову матери, чтобы не трясло.

Марту мы устроили в кабинете на диване. Пришлось, конечно, помучаться, объясняя кухонным манипуляторам, почему ее надо тащить по парадной лестнице, а не поднять в кухонном лифте, предварительно проверив степень готовности, но в итоге все было сделано. Пока я возился с подъемом, Влада постелила на диване постель для матери и уточнила по терминалу дома наличие диагноста. Диагност, к счастью, был. Меня еще посетила светлая мысль подключить его к мегаинформаторию и превратить в мировое диагностическое светило, за что я был удостоен нежного поцелуя. Отдохнувший за время поездки Пусь, видимо, «излучил» такое желание, что дом при его появлении сразу ударил в кухонный гонг.

– Мне надо в душ и вылезти из своего комбинезона, – заявила Влада, появляясь в кабинете с сэндвичами на подносе. Я возился с подключением мегаинформатория. – Я порою твои футболки и штаны в шкафу, ладно?

– Угук, – кивнул я. – Рой.

Она подошла ближе.

– Милый, ты только не волнуйся, – попросила она. Я оторвался от своих кабелей.

– Эфир чист, – просто и буднично сообщила Влада. – В нем никого нет. Спасателей тоже.

Солнце уже село, когда я, наконец, поместил на голове Марты диагностический шлем и застегнул «липучки» металлических пластин на ладонях и ступнях. Куб диагноста тихо загудел. Теперь оставалось только ждать результата.

– Вебсик, помоги вылечить, – попросил я без всякой надежды на ответ.

Взяв с подноса последний сэндвич, я начал пытаться осмыслить минувший день. Тут вошла Влада, принеся с собой запах морской свежести. На ней была клетчатая футболка и тщательно подвернутые серые штаны, на голове – тюрбан из полотенца. Она подошла к дивану, потом села ко мне на колени.

– Слава и Марта – мои приемные родители, – вдруг сказала она. – Мои родные погибли на Луне-10. Я же там родилась. Мне было два года, когда это случилось.

Я напряг память. Да, как раз тогда была авария с анамезонными двигателями на лунной станции. Это, вроде, была одна из последних попыток воскресить пилотируемые полеты к звездам. Погибло человек сорок. Значит, родители Влады были среди них...

– Они были физиками, – продолжала Влада. – А Слава – администратором лунопорта, он хорошо знал моего отца и мать, они дружили. Пытались найти бабушку, мамину маму, но она уже эмигрировала в Марсианскую автономию, а там, как ты знаешь, обрывали с Землей все контакты. Папа был «ребенком общества», рожденным по программе поддержки демографии, у него были только приемные родители, они работали тогда далеко от Земли, на Плутоне, и никак не могли меня взять к себе. Слава сперва стал моим опекуном, как друг семьи. Потом он познакомился с Мартой, когда она приехала преподавать в лунную школу, но своих детей у них не было, и тогда они удочерили меня. Мне они роднее всех, – она вздохнула. – А когда

я заболела «луняшкой» – это есть такая детская болезнь в условиях низкой гравитации – то они решили со мной уехать с Луны на Землю. Прошли переподготовку в Институте Времени, и вот уже десять лет мы тут, в Загорном... А тебя я знаю давно, – оживилась она.

– Откуда? – изумился я.

– Ладно, скажу. Помнишь, лет семь назад поезд на Французскую Ривьеру застрял в тоннеле, и ты всю ночь рассказывал маленькой девочке, которая никак не могла заснуть, сказки? Вся моя туристическая группа спала, а я с тобой сидела у откидного столика в проходе, и ты мне рассказывал тихо-тихо, чтоб никого не разбудить...

– Так это была ты? – я ошеломленно потряс головой.

– Я, – обхватила она меня рукой. – Ты мне рассказывал про забавную птицу Киви. Я не забыла. И фамилию твою запомнила. Мечтала о том, что вырасту – и найду тебя, моего сказочника... Как хорошо, что сбылось...

Диагност запищал. Влада свободной рукой подтянула к нам экран терминала. Сбой программы. С чего бы это?

Я запустил перезагрузку. И понял, что меня подспудно угнетало: Слава до сих пор не дошел до нас. А я совсем забыл.

– Влада, – осторожно начал я. – Ты иди отдыхать, если что – я разбужу.

– А ты?

– А я дождусь конца диагностики и приду тоже.

«Конца диагностики и я могу дожидаться, – сообщил мне разлегшийся в ногах у Марты Пусь. – Идите спать оба...»

«...и не мешайте мне», – закончил я за него. – «Так?»

«Почти», – согласился пес.

Девушка подозрительно на нас посмотрела, но поцеловала обоих и вышла.

– Дом, пришли мне кофе, – попросил я.

Кофе я скоро получил. Его принесла Влада. Поставив передо мной поднос, она взъерошила мне волосы и сказала:

– Не стоит меня отсылать спать, когда хочешь отправиться искать отца. На твоём лице все написано, Кивин. И на его морде тоже, – она кивнула в сторону Пуся. – Не хитрите с лохматым. Я – хитрее.

Пришлось согласиться. У меня созрело три варианта поиска. Первый – спросить Вебсика. Второй – спросить дом. Третий – взять Влади́н коптер и самому полетать над серпантинном. Третий теперь наотрез отпал – было ясно, что полетит только она. Допустить этого я не мог никак.

Влада о чем-то сосредоточенно думала.

– Слушай, – наконец сказала она. – А он не мог эвакуироваться со всеми?

– Ну ты же помнишь его звонок. Он сказал, что посылает с коптером Марту, а сам идет серпантинном.

– Да, но потом сразу оборвалась связь. Понимаешь, он мэ́р поселка. Он не может по статусу отказаться от эвакуации.

– Хорошо, если он в безопасности, – вздохнул я. – А если нет? Но идея верная, надо запрашивать Центральную Справочную. И потом – почему тогда он не эвакуировал Марту, а послал ее сюда?

Я засел за терминал.

Сеть работала, но очень медленно. Все еле ползло. Очевидно, купол заблокировал скоростные каналы, и нам остался доступ по какому-нибудь древнему кабелю, проложенному в незапамятные времена вдоль железной дороги... Наконец, приполз список эвакуированных из Загорного. Влады, Славы, Марты и всех бывших тут ребят в нем не было. Ребята нашлись

в списке отправленных в континентальные госпитали. Меня, впрочем, тоже ни в одном списке не было.

Влада вместе со мной внимательно все читала.

Со стороны дивана звякнул диагност. Пусь соскочил на пол (типа все, дождался же!) и направился, видимо, в спальню, в свою лежанку. Я вывел акт диагностики. По прогнозу аппарата, Марта должна была начать выходить из своего сна через двое-трое суток. Сон был вызван попаданием в зону сильных гравитационных возмущений.

– Хронокапля, – прошептала Влада. – И Джеку она тоже...

– Возможно, – согласился я.

Далее акт диагностики предупреждал о вероятных последствиях, в том числе о потере памяти. Предлагалась транспортировка в госпиталь.

Я достал коммуникатор и набрал номер спасательной службы. Молчание. Так, коммуникатор бесполезен.

– Дом, активируй разведчика, – вдруг решительно сказала Влада.

– Разведчик активирован, – доложил дом.

– Разведчик, принимай задание!

– Введите пароль доступа.

– Вебсик, – сказала Влада. Она явно знала, что делает. Я с интересом наблюдал.

– Пароль принят.

– Разведчик, дай панораму!

На экране возникло панорамное изображение круглой лужайки и лежащего на боку копитера Марты. «Вот оно что! – подумал я. – Он из этих башен».

– Разведчик, обследовать серпантин и весь путь до дома Серегиных. Цель поиска – био-объект – человек. Состояние... – Влада запнулась. – Ммм, любое...

На экране появилась и исчезла оставленная нами у входа роботележка, начался спуск. Разведчик обследовал метр за метром, методично выводя результаты поверх изображения серпантина. Славу он нашел внизу у железной дороги, на насыпи. По информации машины, он был мертв.

Влада побледнела, но самообладания не теряла. По ее командам манипуляторы разведчика подняли тело, и робот тронулся в обратный путь вверх. Мы пошли его встречать.

Было прохладно, и я захватил для Влады накидку в гардеробной. Мы стояли на ступеньках нашего дома. Я укутал Владу и осторожно поддерживал ее. Показался разведчик.

Признаться, такого я тут встретить не ожидал. Это был покрытый отражающей все виды радиации изоброней аппарат, созданный для дальнего космоса и тяжелых планет. Передвигался он на шести «ногах», но под его брюхом матово блестели гусеницы. На верхней площадке за немного выступающей сферической передней частью лежало тело Славы, поддерживаемое фиксаторами. Робот дошел до нас, опустился на землю, и его манипуляторы бережно положили перед нами печальный груз.

– Разведчик, спасибо, – поблагодарила машину Влада. – Хороним по звездному ритуалу.

После недолгого прощания мы с Владой проводили взглядами уносимое разведчиком тело. Оно плыло в сиянии голубых прожекторов, направленных в черное ночное небо. Отойдя от нас на приличное расстояние, разведчик сжег тело в лазерной вспышке прямо на своей броне. До нас донесся вой сирены, и три лазерных луча ударили в небо. Салют.

И тут Влада заплакала. Она уткнулась в мое плечо и содрогалась в рыданиях.

«Юрий, если что – береги Владу...» – прозвучал издали во мне голос Славы. Если что...

Я отвел Владу в спальню и почти заставил ее лечь. Она уже немного успокоилась и сопротивлялась вяло – напряжение дня давало себя знать. Да и Пусь помог – с лежанки он быстро перебрался на кровать и вытянулся за спиной девушки. Его «успокоительные» возможности я знал по себе. Через некоторое время Влада вроде заснула. Какая же она красивая...

Сам я вернулся в кабинет – надо было еще сменить датчики у Марты на контрольные и перевести диагност в режим сиделки.

Потом я все-таки хотел выяснить по терминалу перспективы ее перемещения в госпиталь. Но сеть перестала ползти совсем. Я выключил терминал и пошел в душевую.

Когда я вернулся в спальню, то Влада сидела на кровати и, как ребенка, укачивала на руках Пуся. Увидев меня, она осторожно положила песика на кровать и встала.

– Я не могу без тебя заснуть, – сказала она...

Со мной она быстро уснула. А я еще некоторое время не спал. Внезапные похороны Славы меня крепко выбили из равновесия. А я – «весы», для них равновесие важно. Хаотично бродившие в моей голове мысли начали выстраиваться в некое подобие порядка.

– Сегодня мой день рождения, – вдруг сонно прошептала Влада. – И столько всего...

Я зарылся носом в ее волосах. Вскоре мы уснули.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Утром я очнулся от того, что меня лизали с двух сторон и щекотали нос. С одной стороны «работали» холодным носом и шершавым языком, с другой – мягкими и нежными губами. Заметив, что я проснулся, оба труженика удвоили усилия.

У Влады вчера действительно был день рождения и совершеннолетия. Раньше, когда люди жили по 70—80 лет совершеннолетие почему-то наступало в 18—25 лет, в странах Востока – в 14—16, а сейчас мы живем по 150—200 лет и «взрослеем» к профотбору... Где-то в середине прошлого века сложился современный «образовательный порядок». До восьми лет дети росли преимущественно в семьях, родных или приемных, существовало великое множество детских центров для развития интересов, в городах в большинстве жилых домов были созданы условия для детских игр и занятий. Но в семьях проходило основное воспитание и начальное образование, подготовка к следующему циклу обучения. Этот – базовый цикл обучения – занимал восемь лет. Потом наступал профотбор, тестирование, проводимое специально созданным в Институте образования аналитическим комплексом, который подбирал для молодого члена общества первую профессию с полным учетом его проявленного ранее потенциала, и направлял на обучение. По правилам, профотбор надо было пройти как можно скорее после наступления шестнадцатилетия, чтобы попасть в один из шести формируемых в год учебных потоков. Потом у человека был выбор: либо работать и совершенствоваться по первой специальности, либо осваивать другую по собственным предпочтениям. Как правило, первую специальность меняли не сразу, а через 7—8 лет.

После новых обильных поздравлений и спетой мною по памяти исторической реликвии из моей аудиоколлекции, названной там песней какого-то крокодила, «взрослая» Влада выбралась из-под простыни и продемонстрировала нам с Пусем, как двум лентяям, комплекс художественной гимнастики с простыней вместо ленты. Было такое впечатление, что ничего не случилось и мы все так же живем в безмятежном мире. Но реальность была другой, я это помнил.

Сюрприз ожидал нас в кабинете. Марта проснулась. И главное – вроде все помнила. Влада от радости вся светилась. Встать Марта еще без помощи не могла – равновесие все-таки у нее толком не держалось и кружилась голова. Я не стал пока отзывать услуги диагноста и продолжил держать ее под постоянным контролем. Датчики дистанционные, не мешают особо, а если что... Тьфу, опять «если что». Все должно быть хорошо... Потом мы с Пусем решили все-таки спуститься в наш спортзал. К моему удивлению, дом уже наполнил бассейн водой, видимо, для Влады. Плавать она любила, это мне еще Слава говорил.

Под конец моей усиленной тренировки (Путь, как всегда, лежал рядом и сопровождал ее сочувственными вздохами) появилась Влада. Она чмокнула меня, сказала, что «мама про нас в курсе и все хорошо, но про папу ей пока говорить не стоит», и, раздеваясь на ходу, прыгнула в воду. Путь было хотел за ней, но потом передумал и лег вздыхать на ее одежду. Плавала Влада действительно здорово.

Когда мы все сидели в кабинете за привезенным туда завтраком, я изложил план возможных действий.

– Тут для нас безопасно, поэтому уход отсюда пока не рассматриваем, – сразу сказал я. – Из того, что я на данный момент знаю, настоящий хозяин этого дома – Вебсик, мы его гости или соседи. Значит, нам надо это учесть...

– Мой муж всегда не верил в эти ребячьи сказки и розыгрыши с Вебсиком, – задумчиво сказала Марта. – Но, зная свою дочь, я допускаю, что какой-то такой зверь тут водится.

– Он не зверь, – поправил я. – Он интеллект и выше нашего. Супервирус с наклонностями филантропа. Я бы очень хотел знать, чем бы мы могли быть полезны друг другу... Скажу прямо, покупая этот дом, я рассчитывал на совсем иное, но просто очень счастлив, что пошло все

не так. Вебсик чувствует, стало быть, существует. Это, конечно, иное «чувствование», не такое как у нас, но оно явно есть! Он приближается к нам, старается нас понять, помочь, а не смотрит, как сторонний наблюдатель... Дом, точнее его информационная система, для Вебсика всего лишь среда обитания, он старается познать мир за ее рамками. Ну представьте себе, что в океане есть разумные рыбы, они видят берег, и какой-то из них отчаянно хочется на него вылезти. Мы сами мало чем отличаемся от этой рыбы со своими мечтами о дальнем космосе. Не можем в ракете долететь, так что-нибудь отрастим себе, но все равно – вылезем! Понимаете, что отличает Вебсика от обычного поисковика информации, пусть даже и самого крутого? Активность. Я уже это понял.

Поисковик пассивен, он ждет запроса. То, что он там индексирует тонны словесной руды, – это не активность, это только подготовительная фаза для того, чтобы хотя бы что-то найти. А Вебсик в ответ на запрос от нас рождает свой – от него к нам. Для него проблемы поиска нет, такое впечатление, что перед ним все, как на ладони. Я знаю, были такие попытки сделать подобные системы для нечетко заданных запросов, типа «поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Но каков запрос – таков ответ. Это у нас, но не у Вебсика. Он даже нашел способ создавать искусственно ситуации, чтобы его спросили. Или спрашивает сам.

Я чувствовал, что меня «понесло». Марта смотрела на меня с улыбкой. Влада погрузилась в размышления и забавно морщила нос. Пусть плевать хотел на мои оратории и спал на спине, раскинув лапы.

– Когда мы приехали сюда в экспедицию Института Времени, – сказала Марта, – то все жили ощущением, что вот-вот все станет ясно. Прошло десять лет, а воз и ныне там. А вчера по нам кидали хронокапли, а мы не могли понять, откуда и по каким законам. Даже при извержении вулкана сейсмологи предсказывают опасные зоны, а мы не смогли. – Она немного помолчала и потом вдруг сказала нам: – Дети мои, я знаю, что мой Слава погиб. Он с земли управлял полетом моего коптера, меня задело по касательной, вся тяжесть капли ушла на него. Я знаю. Мы с ним очень любили друг друга. Его больше нет. Вы можете его найти и похоронить? Правда, не хочу верить, что его уже нет...

Ни я, ни Влада не успели ей ответить. На стене комнаты вдруг возникли знакомые корявые буквы: «Простите. Не успел спасти. Вебсик». Затем из матового тумана возник вчерашний разведчик с телом Славы, сцена нашего прощания и похоронного обряда. Влада прижалась ко мне. Марта широко открытыми глазами смотрела на возникающие картины. По ее щеке сползала слеза.

– Спасибо, Вебсик, – сказала Марта. – Спасибо, родной...

– Это был Вебсик? – шепотом спросил я у Влады.

– Не знаю, может быть, – ответила она и пересела на диван к матери.

Я подошел к окну и принялся рассматривать поселок внизу в так и не отданный Борису монокуляр. Видимость была отличная. Никаких следов паники и хаоса. Все дома закрыты, даже занавеси опущены. Мне пришла мысль попросить разведчика принести из дома Серегинных личные вещи Влады и Марты. Может, и что-то из обстановки не мешало бы – комнат дома много и Марту можно было бы разместить с комфортом, но как доставить?.. Не попрет же разведчик на себе диван... Подумалось, что у нас тут вроде робинзоны получается. Вместо необитаемого острова – обитаемая гора. У станции контейнеры спасателей, интересно, что в них?.. Робинзоны же собирали остатки от кораблекрушений. А мы – остатки панического бегства цивилизации хомо сапиенсов от хронотраса...

Я покосился на своих женщин. Вот поворот – всего несколько дней назад мы с Пусем были вдвоем и в ус не дули, а теперь на борту и жена, и теща, как раньше говорили. Тоже считать их остатками кораблекрушения?

Постепенно мои мысли опять зациклились на Вебсике. Как его Марта удачно назвала: «Родной». Если разобраться – так и есть. Родной Миху, родной близнецам, да и всем нам

по сути... Родной – это тот, кто близок. И вовсе не обязательно по крови. А, постойте, тут какой-то ключ... Мог ли я назвать Вебсика родным? Думаю, что пока нет. А без этого его не понять. Ладно, пора грузить идеей новоявленную благоверную, а то засидится...

– Влада, – позвал я. – Ты подумай, может, разведчик мог бы принести ваши с Мартой вещи из дома?

Идея ей понравилась. Она развернула терминал в сторону дивана и принялась за ее реализацию. Даже Марта оживилась. Думаю, что без Вебсика тут не обошлось, поскольку им удалось заполучить в поселке в придачу к разведчику мощную грузовую платформу, которая за несколько рейсов наволокла кучу мебели. Робинзонам такое не снилось. Я с помощью бестолковых кухонных манипуляторов занимался расстановкой мебели и прибывающих вещей. В завершение всего прибыл разведчик с тигром на спине. Плюшевым тигром в натуральную величину, который некогда приехал с Владой с Луны. Он теперь отправился жить под окно в нашей спальне и сразу был оценен Пусем. Цверг на тигре – это круто.

К вечеру Марта была переведена из кабинета в свои новые покои. Вход в них был со второй лестничной площадки, там были три двери – в гостиную, комнату Марты и залу. Зала и смежная с ней комната тоже были обставлены «под завязку», второй этаж дома полностью ожил.

Я еще возился с подключением нового туалетного отсека, который был демонтирован в серегинском доме и вновь собран в комнате Марты (тоже лунный раритет), когда Влада с крайне довольным видом подошла и рассказала, что внизу в поселке связь есть, и, в принципе, если надо, то разведчик может быть ретранслятором.

– А нам оно надо? – спросил я.

Влада пожала плечами.

– Для чистоты эксперимента, милая, настоящая робинзонада должна быть под пальмой и дикие вопли каннибалов. Слышала про таких?

Влада отрицательно мотнула головой.

– Это которые ели прекрасных пленниц, – сообщил я. – А если серьезно, то спешить выходить на связь не будем.

Когда я, наконец, все закончил и заглянул в спальню, то нашел там уснувшую на полу с тигром Владу в длинной до пят розовой рубашке. На ее плече виднелась голова Пуся, который удобно разместился сзади на холке тигра и щеголял белым бантом на шее. При виде меня, он открыл глаз, слегка лизнул девушку и не шевельнулся. Я осторожно перенес их на кровать. «Владке сегодня досталось», – тепло подумал о ней я. По сути дела, весь переезд был на ней.

Спать не хотелось. Я накинул куртку и спустился на улицу. Было облачно. Все таким же пятном внизу светился поселок и горели огоньки на башне старого замка. Я вдруг подумал о том, что внезапный переезд Марты к нам не был случайностью. Когда Слава заговорил об этом, я же спросил мнение Вебсика. Вот он все и проворачивает... Только Славу не спас... Захотелось посидеть на скамейке. Я свернул к ней, но там было уже занято. Перед скамейкой стоял разведчик.

Вчера я не успел толком рассмотреть машину и сейчас делал это с удовольствием. Она стояла на гусеницах, манипуляторы были втянуты в корпус. Корпус был с сочленениями, при его длине метра четыре это обеспечивало большую гибкость, как у горного краулера. Средняя секция с площадкой наверху гусениц внизу не имела. Я любовался формами машины, цветом ее брони. Поискал идентификационный номер – обычно его под правой передней фарой помещали. Не нашел. Потрогал броню – она оказалась даже теплой.

Изоброня, насколько я помнил, это вообще-то металлокерамика, не металл. Да, хороша машинка, на такой бы да вдоль по Питерской – эх! Сзади под плавно зауженным, скошенным и вроде откидным торцом машины мягкими рубинами горели сигнальные огни, был виден мощный буксирный крюк. Высота и ширина машины была небольшой – около метра. Вчера

ночью он казался вдвое больше. Никаких антенн и датчиков над корпусом не выступало. Возможно они были спрятаны под сферическим обтекателем спереди... Рядом с таким агрегатом наша садовая роботележка, стоявшая тут же, казалась доисторической повозкой.

Вдруг передняя сфера засветилась матовым белым светом, из средней части выдвинулись и загнулись как поручни два уса. Машина бесшумно отодвинулась от скамейки и повернулась ко мне задом, как бы приглашая подняться по возникшим из торца ступеням на ее спину.

Ну, спасибо. Признаюсь, я думал не долго и занес было ногу на первую ступеньку, как от дома послышался обиженный голос:

– Кататься?! А мы?!

Ко мне приближались Влада с Пусем. Влада поверх розовой рубашки накинула пончо, а Пусь уже потерял где-то свой роскошный бант. Я было начал соображать, как его закрепить в поездке, но разведчик меня опередил. Спереди между поручнями появилось нечто вроде корзинки. Да, фантастика, и только...

Вспыхнули передние фары. Мы с Владой стояли между поручнями и сперва придерживали Пуся в его корзинке перед нами, боясь, что он испугается такой бешеной езды. Разведчик нарезал круги по участку. Ход у него был настолько плавлен, что за поручни можно было и не держаться, скорость завораживала. Жаль, места тут немного, на нем бы по равнине... Нет, таким робинзоном быть не плохо.

Спали мы потом как убитые.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Пятый день моего пребывания в доме на горе начался с того, что мы все проспали и собрались в столовой на первом этаже только к позднему завтраку. Даже Марта сама спустилась к нам. После завтрака, доев свою привычную и неизменную уже много лет овсянку и выпив чашку шоколада, я остался в столовой вдвоем с Мартой. Влада быстро перекусила тостами и убежала дальше разбирать вещи и обустраивать комнаты. Пусть на сей раз с нею не пошел.

– Марта, – спросил я, вытирая рот салфеткой. – Вам что-нибудь известно про стазис в замке?

Она внимательно взглянула на меня и кивнула.

– Когда Влада была маленькой, и мы только что переехали сюда, то мы с мужем и с ней часто здесь гуляли. Он как-то раз захватил с собой портативный детектор и установил, что стены в замке снаружи старше, чем внутри. Особенно в башне.

– А что вообще там, в башне? – поинтересовался я. – Есть на что глянуть?

– Да особо не на что. Внизу высокий квадратный в плане свод, по стенам которого идет винтом налево лестница наверх, к верху свода она вообще уходит в стены и идет в их толще спиралью... Ходы узкие, пыли полно, паутина...

– Налево? – переспросил я.

– Ну да, налево, чтобы нападающим с мечами снизу было сложно ими махать, а защищающимся – легче отбиваться. Старая уловка. Лестницы узкие, без всяких перил, выщербленные, я боялась подниматься – Слава один наверх лазил.

– А почему все-таки стазис? – спросил я. – Это же нуль-время.

– Правильно, – кивнула Марта. – Тут, наверное, просто стремилось к стазису. Была тенденция сокращения времени. Но детально же никто не проверял. Этот район считался не задетым и безопасным. Не то, что в Соловье. Так что поначалу мы тут бывали, – грустно улыбнулась она.

– А потом?

– А потом только ребята тут бегали, в гоблинов и троллей играли, да пару раз кино снимали.

– И наш дом переехал, – добавил я.

Марта мне не успела ответить. Пусть вдруг вскочил и кинулся в коридор. Оттуда донесся его приближающийся лай и сдавленный смех Влады. Вскоре в арку двери столовой, пятясь задом, припадая к полу и отчаянно лая, ввалился Пусь. На него наступало что-то такое с желтыми когтистыми лапами, громадным клювом и красным хохолком, под которым вихлялись в своих орбитах огромные ярко синие глаза. Существо нескладно било крыльями и пыталось задеть Пуся лапой по носу. За всем этим, пунцовая от хохота, появилась Влада. Я не успел опомниться, как этот птеродактиль взлетел мне на колени и схватил клювом за нос. За ним на меня упала Влада. Краем глаза я заметил, что Марта тоже чуть не плачет от смеха.

– Что это такое? – озадаченно спросил я, держа в руках сразу обмякший «объект».

– Это... моя... детская... птица... Киви... – простонала Влада мне в ухо.

Пусть скреб меня лапой и лаял, требуя выдать самозванку на законное растерзание.

Влада уже устроилась у меня на коленях, расправляя помятую птицу.

– Рад с вами познакомиться, – чопорно и важно сказал я. – Вы, госпожа пернатая, оказались отличной свахой...

Расправленная птица чинно протянула мне лапу.

– Нет, вы с Владой достойны друг друга, – сказала вдруг Марта. – Оба – дети.

Влада утатила птицу, Пусть пошел с нею, явно не доверяя новому объекту, а мы с Мартой вышли на улицу, на скамейку.

– Это тоже загадка, – кивнул я на стоящего рядом разведчика.

– А я его видела уже, – сказала вдруг Марта.

– Как, где?

– В классном шкафу есть его модель. Близнецы делали. Точно такой.

Я, признаться, за всеми событиями забыл, что Марта вела учебный класс, и не сразу понял, о каком «классном» шкафу идет речь. Я рассказал ей о своем желании познакомиться с профилями близнецов и Миха, и, вообще, с классными дневниками их лет обучения.

– У вас, случайно, не сохранилось фотографий близнецов? – спросил я Марту, вспомнив, что вчера она держала в руках фоторамку из привезенных снизу вещей.

– Есть, конечно, – ответила она, – мы же с ними рядом жили, дети росли вместе. Пойдем наверх ко мне, посмотрим.

Марта поднялась со скамейки, подошла к разведчику, провела рукой по его верхней платформе, вздохнула и ушла в дом. Я пошел следом.

– Это Петерс с ними, – сказала она, передавая мне рамку. Мы сидели в ее комнате. Часть предметов обстановки был явно из «лунного» периода ее жизни, для земли, например, такие кресла не характерны. Хорошо, что их удалось перенести, я знал по себе, как порой важны привычные вещи.

На фотографии у дровницы дома был снят высокий светловолосый мужчина с открытым приятным лицом. Рядом с ним очень похожие на него мальчишки, один держал в руке явно самодельный лук, другой – какую-то круглую тарелку.

– Это вот и есть Ион и Зет, – сказала Марта. – С луком который, кажется, Ион, а с тарелкой – Зет. Влада их никогда не путала, а я – постоянно.

Она нашла и показала мне еще несколько изображений.

– А вот еще, – она замолчала, передавая мне рамку. На фотографии в интерьере лунной станции стояла молодая пара с грудничком на руках. Он – русоволосый, с несколько курносом носом и белесыми бровями, придававшим его лицу большое добродушие, и она – прелестная молодая женщина, Влада была почти ее копией.

– Это ее родители, – сказала Марта. – Влада наша приемная дочь. Смит и Эльза погибли, когда ей два года было. Смит был «ребенком общества», у него ни отца, ни матери, а Эльза... Про нее не знаю. Девочка одна осталась. Слава оформил над Владой опеку, а потом мы с ним познакомились...

– Я знаю, – ответил я. – Но для меня и нее – вы со Славой – ее папа и мама.

Я постарался перевести разговор на другую тему. Был еще один вопрос, который меня тоже волновал – Джека. Она была членом нашей семьи и ее надо было забрать из клиники во что бы то ни стало. В Загорный теперь ее никто не привезет, тут закрытая зона неизвестно на сколько. Значит, нам надо было самим вылезать за ней. Как – я пока не знал. Зацепки были. Вчера я как-то не придавал особого значения сообщению Влады о том, что в поселке местная связь по-прежнему работала, а зря. Я прикинул, кто из моих надежных друзей мог бы «получить» в клинике Джеку и подвезти – но куда?.. И как за ней незаметно вылезти из этой закрытой зоны?..

В соседней комнате что-то двигали.

– Влада! – позвал я.

Я изложил обеим своим дамам возможный план возвращения Джеки. Решили, что я попробую позвонить своему другу Володе Лещенко, он надежный, тоже «собачник» и живет рядом с тем городком. Ему передам по сети доверенность с подписью от Марты, а сама Марта позвонит в клинику и предупредит врача. Влада с разведчиком обеспечат связь и пересылку доверенности. А потом будем думать, как забрать Джеку от Володи. Если не получится сразу, то она в очень хороших руках пока побудет. Мне не хотелось Володе пока все рассказывать,

поэтому я стал прикидывать, что можно было рассказать, не вызывая подозрений. Но жизнь всегда вносит свои коррективы, так получилось и на сей раз.

Я совсем упустил из виду, что вся наша активность тут видна с орбиты как на ладони. Проведенный похоронный обряд, летающая в пустом поселке грузовая платформа, а может быть, и сам разведчик, не могли не обратить на себя внимание служб, наблюдающих за закрытым районом. «Вычислили» нас, видимо, элементарно, и вот уже на уровне наших открытых окон завис коптер СБ. Делать нечего, я высунулся в окно и приветственно им помахал, приглашая спуститься. Мы с Владой вышли из дома и пошли им навстречу. В коптере прилетело двое офицеров СБ.

Служащие СБ часто носили лицевые щитки и полущитки, порой их знали только по жетонам на форменных комбинезонах. Да, забыл сказать, что вчера мы с Владой отправили по сети заявку на регистрацию нашего союза, проблем я тут с формальной стороны не ожидал – ее совершеннолетие уже прошло. Но начало встречи с прибывшими все-таки удивило:

– Я поздравляю вас с заключением союза, – сказал, подходя к нам, один из офицеров, поднимая щиток и широко улыбаясь.

– Ион!!! – взвизгнула Влада, кидаясь к нему на шею. – А где Зет?

Второй офицер тем временем подошел и, повторив ту же фразу, вручил Владе букет шикарных роз. Мне крепко пожали руку. Это были близнецы.

Трое друзей детства загалдели, перебивая друг друга. Я шел сзади них, тупо размышляя о превратностях судьбы и госпожи удачи. С шумом мы ввалились в дом, где нас ожидала с Пусем встревоженная Марта, тут же успокоенная и превращенная в «тетю Марту». Пусь был им торжественно представлен и удостоен лапопожатия.

Наше обустройство в доме близнецам понравилось. Мы после обхода сели в гостиной, где на столе все еще лежал мой рюкзак, ошейник Джеки, бумага из бутылки и записки Вебсика. Близнецы по очереди невозмутимо со всем ознакомились, совмещая это с краткими ответами на вопросы Влады. Я пока помалкивал, зная, что сотрудников СБ лучше не спрашивать. Различал я их только по инициалам на жетонах. Потом Ион обратился ко мне:

– Как понимаю, искали Вебсика? Нашли?

Я утвердительно кивнул.

– Web seek you! – коротко произнес Ион. Я немного знал этот старый и распространенный некогда язык. Нынешний общепланетный много от него взял. Надо же, хитрецы, пароль какой придумали...

Картина с морским пейзажем, висевшая между окон, вдруг засеребрилась, и в серебряном тумане появился лик, одновременно напомнивший мне и Чубакку, и магистра Йоду – персонажей из почитаемых мною «звездных войн» – фантастического киносериала трехвековой давности. У меня он есть в коллекции. Изображение улыбалось и внимательно смотрело на нас. Видя мое удивление, Ион мне тихо пояснил:

– Это мы ему такой облик придумали. Как он выглядит на самом деле – не знаем. Просто так удобнее общаться...

Близнецы встали и подошли ближе.

– Здравствуй, Вебсик, – почти хором произнесли они.

«Я приветствую всех вас», – прозвучало в мой голове.

– Вебсик, сообщи обстановку, – попросил кто-то из них.

«Опасность в Соловье, – начал Вебсик. – Сдвиг аномалий. Выплески гравитационной энергии, пока сильные и случайные. Эвакуация правильная. На позиции замка опасности нет. Дом стабилизирован. Мой круг защищен».

– Спасибо. Вебсик, – поблагодарили его близнецы и вернулись к столу.

– Вам не нужно было устраивать фейерверк в честь совершеннолетия Влады, – шутливо сказал Зет, – и никто бы вас не заметил еще недели две. А так вы просигналили прямо в наше дежурство.

– Это был не фейерверк, – тихо ответил ему я. – Звездный обряд. Погиб Слава Серегин.

Близнецы сразу стали серьезными и встали. Мы тоже. Минута молчания, минута памяти. Мы не можем вернуть, но хоть помолчать можем. Как все бывает несправедливо...

– А я все думал спросить, где дядя Слава, – печально произнес Ион. – Нашего Петерса тоже уже нет. Полгода назад ушел. Глупо как-то: поехал в Элладию открывать свою выставку, там море, пошел купаться после торжества, и – вдруг сердце... Мама жива, хотела было сюда вернуться, но дом уже выставили на продажу.

– Зачем вы уехали вообще? – спросил его я. Эти офицеры мне нравились все больше и больше.

– Вебсик, зачем мы уехали? – спросил вдруг Зет.

«Вы нашли Путь, – зазвучал ответ. – Он вас увел. Правильно. И привел обратно, когда стало нужно».

– Родители уехали ради нас, – пояснил мне Ион. – Они нас очень любили. А папа тосковал по горам. Он думал рисовать по памяти, но не смог.

– Мы не хотим уезжать, – твердо сказал я.

– И не нужно, – откликнулся Зет. – Вы приняты в Круг Вебсика. Он вас защищает. Мы с братом знаем, что это высшая степень защиты из возможных тут. Цените это доверие. Но нам не нужно это объяснять, в том числе и в своей службе. Про него только наш начальник, Ростислав Петрович, знает. Тетя Марта – сотрудник Института Времени, вот ее назначение координатором данного района с особыми полномочиями от нашей службы. – Зет вытащил из нагрудного кармана два сложенных пластика и протянул один из них Марте. – Второй, для дяди Славы, к сожалению, аннулируем... – Он помолчал.

– Как координатор района Марта Серегина имеет право сама набрать свою команду. И распределить задачи и полномочия. Мы – ее офицеры связи, вот наши назначения – Зет показал еще пару пластиков. Вы все – ее команда. Теперь – главное...

Зет подошел к Вебсику и поманил нас встать рядом.

– Вебсик, в лице Зета и Иона, в лице избранных твоего Круга, человечество Земли просит помочь остановить разрушение времени. Помогите, Вебсик.

Офицеры, а за ними и мы все подняли руки в традиционном салюте. Пусть поднял переднюю лапу.

На стене к тому времени был опять морской пейзаж, но поверх него знакомыми корявыми буквами было начертано: «Хорошо. Вебсик».

Меня тут же назначили первым заместителем координатора района, Владу, как не имеющую пока специального образования, – волонтером-исследователем, а Пуся после демонстрации общения с ним через обруч – специальным уполномоченным от «собакисов». Научный руководитель и эксперт – сетевой интеллектual Вебсик. В моих ушах зазвучал старинный марш «Прощание славянки»... Я – и вдруг в сотрудниках СБ?!... Мне не снится?..

Первым заданием нашим офицерам связи поручили привезти Джеку.

Перед отлетом близнецы спустились со мной к разведчику, которого заметили еще с воздуха. Ион мне рассказал, что это машина из одной башни, сами башни они считали бомбовыми автоматическими станциями для исследования планет и их спутников, причем одна из них была, по их мнению, американская, примерно конца XXI века, давно не действующая, вторая, очень похожая, вроде как китайская. Как они оказались в густом лесу около замка в практически недоступном месте, близнецы не знали. Разве что с орбиты закинули и забыли. На разведчика они наткнулись во время своих вылазок, преследуя «медведя» (его ноги оставляли на земле похожие следы), и то увидели издали, когда он заползал в люк башни. Вскоре они

перехватили (не без помощи Вебсика, конечно) его коды и перевели управление им на свой дом, получив новое развлечение для катания-лазания по «Великой тропе». Влада принимала участие в нескольких прогулках, пока близнецы спешно не уехали в долину. Их тайну Влада хранила до последнего времени.

– Дом, активировать разведчика! – скомандовал Зет.

– Разведчик активирован, – доложил дом.

– Разведчик, открой пост управления! – продолжил Зет.

Передняя сфера разведчика засветилась и начала раскрываться, вскоре перед нами стала видна площадка с маленьким ложементом, на котором мог бы уместиться разве что двух-трех-летний ребенок. По бокам ложемента были стойки с полированными пластинами и все.

– Видите? – спросил меня Ион. – Это еще одна загадка.

Сферу закрыли обратно, и Зет приказал разведчику маскироваться на местности. Его броня тут же «натянула» камуфляж. Стало ясно, почему я его не смог увидеть раньше.

Улетели близнецы через перевал, небо над поселком было закрыто, а над перевалом СБ держала «окно». В поселке по-прежнему изредка незримо падали хронокапли – доносился характерный треск.

Я вернулся в дом. Влада и Марта занимались чем-то своим, Путь дрых на тигре в спальне, и у меня было время побыть с самим собой.

«...в лице Зета и Иона, в лице избранных твоего Круга, человечество Земли просит помочь остановить разрушение времени. Помогите, Вебсик» – вспомнил я. «Разрушение времени» – что они имели в виду?

Честное слово, я не был готов к такому быстрому течению событий. Оно даже пугало. Мне хотелось поскорее вытащить отсюда Владу, может даже в Москву, чтобы она прошла профотбор, начала учиться, а теперь вдруг мы все оказались на службе в СБ, по сути дела. Спасение человечества, конечно, вещь важная, но мы тут все находились почти на том же самом уровне, что безумные мальчишки времен русской революции – красный конь, шашки наголо и в голове мировой пролетариат... Так было нельзя, не тот век уже на дворе все-таки. Оседлать разведчика и спасти человечество? Хм...

Само человечество от проблем закрылось запретной зоной. Накрыло нас куполом и выжидало, пока само собой не успокоится. В прежние времена оно бы шарахнуло атомной бомбой по санкции ООН, сейчас бомб нет, но терраформирование ничем не хуже. С орбиты вон какие водоемы выжигают...

Потом, были признаки, что все это заранее срежиссировано. Кем или чем – другой вопрос. Очень похоже на сценарий из математической истории. Появилась аномалия в Соловье, в это же время примерно рождается контакт с Вебсиком у Миха, Вебсик начинает практиковаться на мелких задачках на поселковой администрации, проводит свой «профотбор» среди малышни, развивает и формирует ее, вселяется в умный дом и, чтобы обезопасить себя, организует перенос дома на гору и выселение семьи близнецов, которые уже стали членами его Круга. Далее, зачем-то допускает мое появление здесь и встречу с Владой, ребятами и Михом – по сути дела своим Кругом, а когда начинается активность аномалии, то оставляет тут Славу и Марту, возвращает на круги своя близнецов... Действовали случайные факторы – гибель Славы, авария коптера с ребятами, но в целом – ткалось полотно некоторой предопределенности.

Были моменты, которые я пока не мог объяснить: наличие башен и разведчика, стазис в замке, обручи для мыслеречи, да и логику самого контакта с Вебсиком тоже. В воздухе сильно запахло грозой инопланетного нашествия, в которое я никак не хотел верить. Или вторжения каких-нибудь «времен». Маленьких, по размерам ложемента в разведчике... К счастью, до сих пор все это только фантасты описывали на разные лады.

Почему-то вспомнилось прошлогоднее посещение Музея Игрушки в Дели. Там были точные копии старинных автомобилей для малышей. Может, и наш разведчик – точная копия, игрушка для близнецов? Интересно, какая его копия в классном шкафу? Полнофункциональная или макет? И каких размеров там ложемент?.. Копия – копией, но нас с Владой он вполне серьезно таскал на себе... Нет, это не то.

Мои размышления прервал Пусь. Он поскреб меня лапой и прыгнул ко мне на колени. Обруч свой я оставил в гостиной, идти за ним не хотелось. Пусь посмотрел мне в глаза и вздохнул. Я потрепал его уши и начал меланхолично перебирать пальцами уже отросшую после стрижки шерстку. Мы с ним этот процесс очень оба любили. Прозвучал кухонный гонг.

– Дом, пришли мне обед в кабинет, – попросил я.

Заглянула Влада.

– Ты спустишься в столовую?

– Нет, кушайте без меня. Мне тут надо поискать и подумать. Ладно?

– Без меня не ищи, – попросила она. – Я быстро.

С этими словами она исчезла. Вскоре приехал столик с едой. Что я ел, я не помню. Машинально что-то жевалось и глоталось. Часть перепала Пусе. Насытившись, я почувствовал, что отчаянно хочу спать. И плевать на все. Растянулся на диване и уснул с Пусем сбоку. Такими нас и нашла Влада, наверное.

Мне снилось море.

Из него на берег вылезала большая, с сине-зеленой чешуей, кистеперая рыба. Прибой то и дело отодвигал ее обратно в родную пучину, а она все ползла, судорожно открывая жаберные щели. Наконец, она выползла из воды и, неуклюже переваливаясь, доволоклась до полузатопленного пенька. Пенек был аккуратно срезан, и кусок ствола дерева валялся рядом. На пеньке стоял крохотный разведчик.

– И за что это мне такое, – задыхаясь прошлепала губами рыба моим голосом. – Что мне тут надо?

Разведчик не отвечал. А рыба вдруг посмотрела на него владыным глазом...

Я проснулся. Пусь еще дрых, по обыкновению устроившись вдоль моего бока, Влада уже сидела за терминалом.

– Подъем, – бодро скомандовал я. Пес чихнул и прыгнул на пол.

– Мы «моргнули», – сообщил я.

– Вы сопели и храпели, – отозвалась Влада. – А мы с Вебсиком трудимся.

– Вебсик, это правда? – спросил я.

– Я просто помогаю, – Вебсик был сама скромность.

– Влада, когда у тебя был назначен профотбор? – вдруг поинтересовался я.

– В первой декаде осени, а что? Как понимаю, он откладывается?

– Вебсик, помоги ей пройти профотбор, можешь? – зевая, попросил я. Дело в том, что, несмотря на наш объявленный союз и чрезвычайные обстоятельства, в которые мы попали, задача профотбора и дальнейшего обучения Влады не снималась. Я просто надеялся на то, что ей разрешат экстернат, и Вебсик в этом как-то поможет. Иначе остаться тут у Влады никак не получится.

– Ей поможет Зет, – сообщил Вебсик. – Я изменю условия. Обучать буду сам.

Ого, это уже круто. Интересно, какая профориентация моей Влады уготована этим интеллектуалом? Может, она близнецов переплюнет в итоге...

– Вот, – оторвалась от терминала Влада. – Наш союз с тобой зарегистрирован еще вчера.

– Он был зарегистрирован еще раньше, – уточнил я. – Во времена птицы Киви.

Я, наконец, проснулся окончательно.

– Вебсик, какие предложения на сегодня?

– Перемещение особи Джека, – начал Вебсик монотонным голосом, – подготовка учебных блоков и обучение...

– Обязательное условие – любое обучение и учебные программы согласовывать со мной и координатором.

– Принято.

– Юр, – вмешалась Влада. – Ион и Зет привезут Джеку сегодня ночью. Прислали ее выписку. Ее переломы еще зафиксированы. Глаз спасли, но тоже в повязке.

– Ну, на руках поносим, на тележке повозим, не проблема. Пусе объясним, что даме покой нужен.

Вторая половина дня прошла скучно. Мы с Владой ее просидели в креслах перед камином с обучающими шлемами на головах, получая вводный курс по спецпрограмме Института Времени. Потом мы с Пусем ушли на улицу, а бедной девочке стал грузиться в голову тренинг по тестам профотбора.

Поздно вечером привезли Джеку. Она пыталась скакать на двух своих целых лапах, но это было тут же пресечено Мартой, которая забрала ее к себе в комнату. Пусь было тоже решил переселиться, но я вернул его в свою спальню. Моя голова пухла от информации, а про Владу я и спрашивать боялся. До постели она еле добрела. Завтра предстоял еще один учебный день, потом Ион и Зет привезут контрольное и исследовательское оборудование, и начнутся трудовые вахты.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Утро выдалось просто роскошным. Я встал и подошел к окну. Ни облачка на небе, видимость отсюда сверху великолепная. Только смотреть на безжизненный поселок не хотелось. Влада еще нежилась и сладко зевала, жмурясь от яркого солнца из раскрытого настежь окна, Пусь притащил тигру свой маленький мячик и уморительно толкал к нему носом, приглашая поиграть. Потом он подошел ко мне и встал на задние лапы, предлагая его поднять и посмотреть вместе в окно. Долго я с ним стоять и смотреть не стал – отправились в спортзал. Чуть позже к нам присоединилась и плюхнулась в свой бассейн Влада. Она немного поплавала, вытерлась и пошла в компании Пуся проведать мать и Джеку. Сверху донесся звук кухонного гонга.

Когда я с мокрыми после душа волосами появился в столовой, они все уже сидели за столом, а Пусь и Джека трудились над своими мисками. За ночь лечение нашего диагноста и Вебсика сделало чудеса – у Джеки осталась забинтованной только одна лапа, а больной глаз напоминал только выстриженной вокруг шерсткой. Чувствовалось, что Марта была очень довольна.

– Ну, – сказала она, – когда мне брать бразды правления?

– А зачем их брать вообще? – с набитым овсянкой ртом ответил я. – Само собой все управится. Видите же сами: что ни день, то сюрпризы.

Влада была настроена более прагматично.

– Я предлагаю в перерыве между учебой совершить прогулку на разведчике по тропе, – предложила она.

– Там не пройдешь, – заметил я. – Там сперва чистить все надо.

– Он проходит, по крайней мере, раньше проходил, – сказала она. – Раздвигает ветки силовым ножом. Медленно, но проходит. Нам нужно дойти до башен.

– Нет, – решительно воспротивилась Марта. – К башням вы сейчас не пойдете.

Пусь оторвался от миски, куда-то сбегал и притащил мне обруч. Я надел его.

«Не нужно к башням, – передал пес. – Джека еще не поправились. Мы потом сходим. Она знает их».

– Пусь тоже не рекомендует, – сообщил я остальным.

– А с чего ты вдруг захотела к башням? – невинно поинтересовался я у Влады.

Она допила свое какао и медленно, стараясь не упустить подробностей, стала рассказывать.

...В тот день после учебных занятий Влада пришла к близнецам на их мансарду. Последнее время те увлеклись игрой-стимулятором езды по непроходимому лесу на какой-то странной машине. Владу машина интересовала меньше всего.

– Если я буду видеть ваши затылки, то я пошла домой, – заявила она.

Близнецы переглянулись.

– А какие наши части ты хочешь видеть? – подколот Ион.

Влада фыркнула. Сейчас она превратится в рассерженную кошку, и эти двое забудут, что они на год старше.

– Погоди, – примирительно сказал Зет. – А покататься ты не хочешь?

– Только не по экрану, – сообщила Влада.

Близнецы колебались недолго и объяснили ей, что машина на экране «всамделишная», но, чтобы увидеть ее и покататься «живьем», надо подняться к замку. Это на весь день, и лучше в воскресенье, когда отец уйдет на этюды в горы, а мама куда-то поедет по школьным делам. И никому не слова, ясно?

– Могила, – кивнула Влада. – А откуда она у вас?

Вот тогда-то она и услышала впервые про металлические башни, про охоту на «медведя», и про то, как Вебсик им помогал ловить машину. Уяснила она только то, что машина была уже «пойманная», дрессированная и послушная, а риск свернуть на ней шею минимален. Как на сегоднее.

Когда в воскресенье Влада на своем маленьком коптере приземлилась у замка и предстала перед близнецами в защищенной всякими щитками одежде, то ее смутил легкомысленный вид близнецов в коротких шортах и тоненьких на голое тело футболках с короткими рукавами. Те сделали вид, что ничего не заметили, но прикололись, разместив Владу спереди площадки на машине.

Влада быстро поняла, что машина защищает своих ездоков силовым полем, и она сама в «защитке» выглядит комично, но удовольствие от езды пересилило все возникшее было негодование. Они медленно утюжили заросли, потом выбрались на открытую тропу, и скорость возросла. Было жутковато так лететь, местами почти по краю пропасти, в одном месте машина перепрыгнула широкую расщелину... Добрались до первого перевала. На нем устроили пикник, и там Влада оставила почти все «защитки», какие ей удалось легко отстегнуть.

На обратном пути они заехали к башням. Стояли башни в небольшой ложбине, заросли и буреломы почти целиком скрывали их широкое основание. Близнецы показали Владу проход, проделанный машиной (они ее называли разведчиком), и вернулись к замку.

– Вот так я и увидела эти башни, почти рядом, – закончила Влада свой рассказ.

Марта слушала очень задумчиво.

– Вебсик, помоги найти информацию о геостанциях, которые были установлены поблизости в период терраформирования, – попросила она. – Жаль, что ты нам с отцом этого не рассказала раньше, – упрекнула она дочь.

От меня не ускользнуло, что она обращалась в Вебсик, как бабушка к внуку. Но Вебсик на сей раз ей не ответил. Влада ушла слушать свои учебные программы, я еще «тормозил» отправиться следом за ней.

– Разве здесь было терраформирование? – спросил я. – Искусственное?

– Нет, сначала природное, – ответила Марта.

– Разведчик явно не геологическая машина, – возразил я. – Космическая, военная – да...

– Или подземная, – сказала Марта. – Не думал об этом? Разведчик недр?

– Не думал, – честно согласился я. – Вполне возможно.

– «Шарахи» концентрируются над подземными пустотами, – сказала Марта. – Под Соловьем мы нашли на глубине полутора километров подземный водоем, хотели начать бурить, но не успели.

– Марта, а точно, что над пустотами? Насколько я понял, нуль-время возникает в месте сгиба однородного пространства, без пустот? – я до конца этот момент не совсем понимал, но вчерашние «азы науки» уже давали себя знать. – Если возникает пустота, то никакого нуль-времени не было, верно?

– Не совсем. Тут же была не просто складка, а случился перенос материальных форм – башни со стеной и щебнедробилки. Возможно, в порядке обмена мы и получили пустоту.

– Я бы хотел по ним полазить...

– Только снаружи, – ответила Марта. – Они как скорлупки, но что там внутри – мы не знаем, просвечиванию не поддается. Я была около них, щупала стены, на щебнедробилке влезла по спуску для вагонеток. Материалы на вид разные – дерево, железо, кирпич, а на ощупь – одинаковые. И все очень скользкое. Как фторопластик. Меня не покидало ощущение, что это музейные муляжи в натуральную величину... У нас на земле есть несколько музеев с подобными экспонатами, мы посылали запрос – ничего у них не пропадало. Но похожая щебнедробилка стоит в северо-американском Музее горных технологий и в европейском

Горном музее в Руре. А башня со стеной – это Европа или Север, там таких построек много сохранилось, часть ушла под воду с бывшими городами...

– Да, – вспомнил я одну не совсем понятную мне фразу, – Марта, а что могли иметь в виду близнецы, когда говорили о «разрушении времени»? Разве такое возможно?

– Да нет, конечно, – отозвалась Марта. – Их всегда тянуло на пафос... Нам на переподготовке в институте времени приводили такое сравнение. Вот тэтраэдр – правильная пирамида, у нее три стороны и основание – пространство, время, информация и энергия. Они создают нашу материальную вселенную. Разве можно разрушить одну из них? Нет конечно. Деформировать можно, но эта система стремится к балансу и самовосстанавливается. Мы можем только гадать, как формируются Вселенные за пределами нашего материального мира. Но мы уже понимаем, что в нашей вселенной возможны пространственно-временное и энерго-информационное существование. И комбинации переходов.

– А о чем же они тогда просили помочь Вебсика?

– Знаешь, – сказала Марта, – Разрушение времени – броское название... Жалею, что не записывала Славины идеи, он их на ходу бросал. Одна из них была в том, что в Соловье мы видим перенос с минимальной энергетикой, то есть как бы информационное копирование внешности объекта. Это не телепортация, а, скорее, дублиаж, если муляж можно назвать дублем... Он считал, что копии-дубли возникали в зоне «шарах», которые могли быть следствием переноса. Но были там и «пустые» шарахи, в них мы фиксировали такое искажение времени, что и при минимальной энергетике оно действовало на мозг человека. Хронокапли – те же шарахи в миниатюре, Слава иногда говорил, что у них такой способ перемещения. Амебы, помнишь, как двигаются? Выращивают ложноножки и перетекают на них. Вот и эти тоже. Кидают хронокапли, если те попали на благодатную почву, то они притягивают к себе шараху и перемещают ее...

Я внимательно слушал. Похоже, в последние годы эти исследования топтались на месте. Или их сдерживали зачем-то. Марта рассказала, что в Соловье были хронокапли, но радиус их распространения не превышал полусотни метров. А от Загорного до Соловья – не один десяток километров по прямой. И если они падают здесь, то почему бы им не падать в других местах, о которых мы не знаем? То, что регион закрыли, – правильно, но это, скорее, санитарная мера, карантин. Рано или поздно придется зондировать тут все метр за метром, а то и закрывать новые районы.

По мнению Марты, наш Вебсик каким-то образом «прикрыл» дом на горе или знал, что она чем-то другим защищена. Может, не случайно и дом сюда переехал – Вебсик обезопасил свое жилье, выходит, по такой логике, что он знал заранее про опасность. Нам нужно все аккуратно выяснять.

Наконец Марта рассказала о своих ощущениях от удара хронокапли. Она на коптере поднялась в воздух, возник страх высоты, головокружение, потом касательный удар о возникшую внезапно сбоку серую пелену и тяжесть. Больше она ничего не помнила. Проснулось сознание уже тут, на диване, будил ее голос Вебсика.

– Он молодчина, – тепло сказала она. – Врач завтрашнего дня. Про энерго-информационную медицину я много читала, но с таким лечением сталкиваться не приходилось. Просто гениально.

– Спасибо, – вдруг вмешался в наш разговор голос Вебсика. – Очень приятно, что помогло. Мне нужно вам кое-что пояснить. Слушайте.

Надо сказать, что Вебсик избрал четыре способа общения с нами. Один – через свои корявые письма, которые он нам показывал. Второй – голосом через наш «умный дом». Третий – мыслеречью через картину в гостиной или обручи с кристаллами. Четвертый способ – это наши переходы на то море. Я допускаю, что он мог воздействовать и иначе, например, через сны. Лично мне все способы его общения были интересны.

Вебсик подтвердил, что через диагноста смог заняться лечением Марты. Так же он лечил и нашу Джеку, сказав, что с нею все было гораздо проще. Но Джека потеряла свои уникальные свойства чують «шарахи». Вернуть их невозможно.

– Вы, как носители жизни в этой вселенной, ограниченной пространством, временем, энергией и информацией, являетесь в ней самыми сложными существами, которым доступны в той или иной степени выходы в образующие ваш мир измерения. Мне все это очень интересно, я с вашей помощью начинаю постигать мироустройство за пределами информационных полей и структур, формирующих мою сущность, – продолжал Вебсик. – Очень похоже, что во время эксперимента в Церне были созданы возмущения, породившие энерго-временные сущности, которые вы называли «шарахами». У меня нет терминов вашего языка, подходящих для их описания... Самое близкое – назвать их проекцией синхронных временных и энергетических искажений, но это не просто проекция, они начинают исследовать ваш мир, они – живые. Вероятно, вы создали новую форму жизни.

Мы с Мартой переглянулись. В Институте Времени порой возникали концепции и теории «живого времени» и их обитателей – «времен», но все они, как правило, не получали официальной поддержки. Официально признавались энерго-временные зависимости, например, в черных дырах. Но представить себе разумную черную дыру было достаточно сложно, как и обосновать «разумность» пожирания ею звездного вещества. Но на самой земле разум тоже возник не сразу, а в результате долгой эпопеи взаимного пожирания, которую мы потом назвали естественным отбором. Предположение Вебсика о живых «шарахах» было более чем смелым.

– Вебсик, уточни, – попросил я. – Как ты сам можешь сформулировать, что ты – живой?

– Я не живой, если определить «жизнь» как способ существования белковых форм, которых у меня нет. И я – живой, если определить «жизнь» как форму активного информационного обмена. Я стремлюсь расширить рамки своего информационного чувствования и существования за счет контакта, например, с вами. Мы уже полезны друг другу.

– Да, – признал я, – в поиске информации и знаний тебе нет равных.

– Также как и вам, людям, нет равных по потенциалу адаптации, – заметил Вебсик. – Вы можете без посредников взаимодействовать с тонкими энергиями, можете на уровне вашего подсознания входить в информационные поля и структуры за нужными знаниями, можете в своих тонких телах преодолевать немыслимые пространства... Вы не птицы, но можете летать... Внутри вас живет дух воли, жизни без границ. Вас тянут к себе дали Космоса, но, если вы не можете их достичь в своих технологиях передвижения по пространству, то вы ищете другие пути, пытаетесь постичь пространственно-временные переходы, гиперпространство... В вашей истории есть такие вольные сообщества, ставившие перед собой задачи расширения горизонтов современных и древних знаний...

– Масоны? – спросил я.

– Да, и масоны тоже. Но не только они.

Я вспомнил по старое письмо из бутылки, так и лежавшее на столе в гостиной. Там вроде что-то было про замок и масонов...

– Значит, получается, что живая Вселенная, о которой в свое время мыслил Циолковский (я, помнится, в годы учения делал реферат по этой его статье), пришла к нам сюда в лице «шарах»?

– У них нет лица, – уточнил Вебсик. – Есть набор свойств. И Циолковский тут не к месту.

Наша беседа была прервана появлением Влады, она имела сильно рассеянный и отрешенный вид – видимо, учебный курс попался насыщенный. Я ей ободряюще улыбнулся.

– Ты скоро придешь? – спросила она, присаживаясь рядом. – Меня что, в астронавигаторы готовят, что ли? Сплошная математика и расчеты... Давай я лучше буду домашней хозяйкой, – жалобно продолжила она. – Или лечить зверушек буду...

Я насторожился.

– Вебсик, есть полные данные по курсам спецпрограммы, что в них входит?

Вчерашний вводный курс у меня вопросов не вызвал, все логично и понятно.

– Готово для просмотра на терминале в кабинете, – доложил Вебсик.

– Дети, не волнуйтесь, – успокоительно сообщила Марта. – Нам на переподготовке в Институте Времени тоже это давали. Это на случай, если придется вручную пилотировать. Малопонятно, конечно, зачем, до путешествий во времени мы еще не дошли и звездные координаты для телепортации не используем...

– Но я все-таки просмотрю список, что нас ждет, – сказал я, поднимаясь. – Вебсик, мы пока прервемся, очень интересная беседа, спасибо, но у нас график подготовки.

– Хорошо, – отозвался Вебсик.

Список оказался занятным. Похоже, что Институт Времени решил дать всего по чайной ложке. Тут были и инженерные сведения, и основы права, и... – словом, все для экспресс-подготовки агента-универсала, готового провалиться на первой же явке. Глубоких обстоятельных курсов я не увидел. Все «по верхам». И системы я не увидел. Надо будет с близнецами потолковать на эту тему.

Но учиться надо. Я надел свой шлем и погрузился в поток знаний.

Несколько часов прошли незаметно. Зазвучала мелодия вывода из учебного полутранса. В кресле рядом я обнаружил Владу, у нее еще процесс был в разгаре. На коленях у меня лежала записка: «Юрий, найдите личный кристалл дяди Славы. Ион. P.S. Мы оставили часть оборудования внизу, пока не разбирайте».

Личный кристалл – это личный дневник, куда диктовались важные сообщения или записывались видеосюжеты. Чаще всего кристалл работал как автоматический регистратор событий. Я не мог понять, почему Ион обратился ко мне, а не к Марте. Она все-таки имела больше прав на вещи своего мужа. Взяв записку, я пошел с Пусем искать Марту.

В доме ни ее, ни Джеки не оказалось. Пусь на улице взял след и вывел меня к месту падения коптера. На земле виднелись «медвежие» отпечатки ног разведчика, наши следы с Владой, остатки коптера, которые как лежали, так и лежат. Пусь повел меня дальше.

Марту я увидел около энергоблока, она сидела на его выступающем основании и что-то рассматривала на планшете. Пусь подбежал к ней и стал ласкаться. Она оторвалась от своего занятия и улыбнулась мне.

– Нашли все-таки? Ах ты, лохматый, – она почесала псу ухо. – Влада учится?

Я кивнул.

– Расскажу очень быстро. Ей пока ничего не говорить, ладно?

Я пожал плечами, хорошо, мол.

– Разведчик сейчас делает проход к башням. Я пришла к выводу, что мой Слава может быть еще жив.

– Но, – начал было я. – мы же...

– Вы нашли мертвое тело. Вернее, нашел разведчик. Он правильно определил. Оно – мертвое. Муляж и не мог быть живым.

Муляж?! У меня вообще голова поплыла. Про муляж мы тогда и не думали даже. И как теперь доказать, что это был муляж? Вид у меня был растерянный.

– Пойми, мы со Славой чувствовали друг друга. Он погиб, а у меня это чувство не погасло. Я сперва сама себе не верила. И теперь хочу попасть к башням – убедиться, что тут есть муляжи. Вторая башня – муляж первой. Владе туда идти нельзя, она еще не подготовлена ни психологически, ни физически, Вебсик согласился со мной. Тебе, впрочем, – тоже. Пойдем мы с Джекой.

Я понял, что она рассматривала на планшете. Дорогу туда.

– Если тут возможны муляжи, – продолжала Марта, – то есть шанс найти Славу. Я чувствую, что он еще жив...

– Ион оставил мне записку, просит найти его личный кристалл, – сказал я.

– Он был со мной и лежит в комнате. Я понимаю, что сейчас надо его пролистать, но нет времени.

– Я предлагаю его положить в мегаинформаторий и попросить Вебсика сделать досье. А потом просто изучить его. Заодно вывести все ассоциации.

– У тебя есть мегаинформаторий? – изумилась Марта. – Откуда? У нас на всю Луну один был.

– Старая история, – уклончиво ответил я. – Но модель хорошая. И я обновляю контент. Так что актуально.

Пусть залаял и куда-то убежал. Вернулись они вдвоем с Джекой. Двигалась она еще скованно. Но морда сияла задором.

– Я бы не исключил поиски внизу тоже, – продолжил я. – Прошло несколько суток, если он жив и нужна помощь, то времени действительно нет. Но как искать, на прочесывание территории нас не хватит. Вызывать близнецов и подключать спецотряды? Там же капли падают... СБ не даст санкции на поиск на основании только интуитивных предчувствий.

Марта согласилась. Санкции не дадут. Но у нее уже был свой план.

Он основывался на том, что нам должны были доставить оборудование для хронолокации и измерения гравитационных возмущений. В первую очередь она предлагала засечь и обследовать места падения всех хронокапель. Марта исходила из того, что по своей силе они не могли вызвать мощный толчок и переместить Славу куда-то далеко, она даже допускала его нахождение где-то у железнодорожного полотна, рядом с местом обнаружения тела разведчиком. Она хотела еще раз поискать там. Признаться, я не очень верил во все это, но переубеждать Марту было бесполезно. Оставалось только скорее довести это ее начинание до какого-нибудь завершения.

Оставив Марту с Джекой ждать, пока разведчик закончит делать проход в зарослях, и взяв с них обеих самое честное слово, что ни ногой, ни лапой к башням сами пока не сунутся, мы с Пусем вернулись в дом. И вовремя – Влада как раз завершила сеанс.

Пока они приходила в себя и плавала в бассейне, я кратко посмотрел, что притащили близнецы. Пока только периферию, основных блоков они еще не доставили. Думал было подняться наверх в кабинет и задать пару вопросов мегаинформаторию, но дом ударил в гонг, приглашая в столовую. Пусть уже был там и заканчивал свою трапезу. Пришла снизу с влажными после плавания волосами Влада, устроилась было у меня на коленях, но тут же вскочила и подбежала к окну.

– Ой, смотри, картина – мама едет на разведчике! И с Джекой в корзинке!

Она раскрыла окно и приветственно крикнула. Вскоре Марта и Джека присоединились к нам. Марта незаметно от Влады дала мне понять, что проход готов.

Обед прошел спокойно и даже немного весело. Марта вспоминала, как, кончив колледж, была направлена в Лунный корпус педагогом, как проходила допподготовку на восьмом спутнике (на Луне все имели несколько специальностей и их совмещали), как была сперва разочарована размерами лунной базы и своей личной комнаты. Я немного рассказал о московских подземельях, историей которых некогда увлекался. Влада вспомнила ранчо на берегу Тихого океана, где после переселения с Луны она проходила курс «оземлячивания» и привыкания к земной гравитации.

– Сразу столько воды! – вспоминала она свои детские восторги, – На Луне бассейн в санаторном зале нам гигантским казался, а тут – до горизонта... Как в фильмах. Мы, дети, которые на Земле не были, их сказками считали. У меня одна из любимых сказок была – сказка про море. И мы столько там плавали, ныряли!

«Так вот откуда эта ее страсть, – подумал я. – Их в гидроневесомости старались держать для привыкания к тяжести. Правильно».

– Так, – вдруг серьезно сказала Марта. – Вернемся на наши круги. Пока вы учились, мы с разведчиком сделали тоннель к башне.

– Мам, тебя Вебсик. что ли, научил управляться с ним? – поинтересовалась Влада.

– И Вебсик, и сама кое до чего дошла, – отозвалась Марта. – В Институте Времени не такими машинами учат управлять.

– А она точно – земная? – продолжала Влада. – Вебсик, это земная машина?

– Да, – подтвердил Вебсик. – Первый прототип показан был в виде макета на Мюнхенской ярмарке технологий 2097 года в составе перспективного исследовательского роботехнического комплекса для Первой звездной. Больше сведений о нем нет. Проект, видимо, был возрожден позже в период катаклизмов. Подобные машины активно использовались в разведке районов геологической активности. Но коды управления и бортовая система данной машины сильно отличались, их пришлось взламывать и все перепрошивать. Возможно, что она единственная в своем роде. Очень сложная и живучая.

– Мы имеем доступ ко всему ее функционалу? – спросил я.

– Нет, только к тому, который мне удалось заново поставить, – ответил Вебсик. – Сведений о полном ее функционале не имею. Это биотехническая система. Она не смонтирована, она выращена, ее «ноги» и гусеницы – просто сменная периферия. Основная часть – неразборная.

Я поскреб затылок.

– Она способна мыслить?

– Сейчас она в режиме экзоскелета, ее мозг отключен, я перевел все управление на себя, – сообщил Вебсик. – Что было раньше – не могу сказать.

Современные автоматы-разведчики, какими мне их приходилось видеть, имели автономный электронный мозг высокого класса, который мог обеспечить полностью самостоятельную стратегию и тактику разведки. Если Вебсик взял на себя его функции, то он получил в свое распоряжение не только транспорт, но и, возможно, мощные системы защиты и разрушения препятствий. Зачем ему это? Ладно, спешить не будем...

– Вебсик, можешь найти подробные данные о генезисе терраформирования в нашем районе? – попросил я. – И подготовить анимацию. И все, что есть по истории этого биотехнического проекта разведчика.

– Хорошо, включите мегаинформаторий, – согласился Вебсик.

– Что ты хочешь уточнить? – спросила меня Марта.

– Наличие пустот, – ответил я. – Как раз накануне периода катаклизмов, как вы помните, землян раздирали всякие религиозные, этнические и экономические распри. Была угроза ядерного конфликта, было несколько серьезных аварий на ядерных энергостанциях. В ряде стран, в том числе в Америке, Китае и России, строили подземные мегаполисы на случай ядерного конфликта. Их строили в разных местах, не только в горах. Мне приходилось бывать в нескольких таких сооружениях. И надо на всякий случай выяснить, не было ли в нашем районе такого. Если тут или поблизости есть такие пустоты, то они могли притягивать шарахи.

– Это надо, скорее, близнецов озадачить, – вставила Влада. – Это по их ведомству.

– Мы все теперь тоже по их ведомству, – ответил я. – Думаю, что все сперва надо стараться делать своими силами. Потом идти уже просить помощи извне. А история проекта разведчика... – Я помолчал и продолжил. – Это может быть и промышленный шпионаж, и штучная работа какой-то сверхсекретной группы в то время. На нем нет никаких опознавательных номеров, что это промышленный серийный продукт. По крайней мере, мне пока не встречались. Я пытался их найти снаружи.

– Влада, – вдруг спросила Марта, – когда ты прощалась с папой, ты к нему прикасалась?

– Да, поцеловала, – она посмотрела на мать расширившимися глазами.

– Вспомни свои ощущения, каким он тебе показался? – мягко попросила Марта.
Влада задумалась.

– Холодным и скользким, – ответила она.

Влада всхлипнула и вышла из столовой. Я пошел за ней. Пытался утешить, но как-то все неуклюже, да и она сама быстро успокоилась. Помог Пусь – забрался к ней на руки и начал вылизывать щеки. Влада хотела было надеть учебный шлем, но я ее остановил.

– Давай ненадолго на наше море, а? – предложил я.

Мы перешли в гостиную, встали перед картиной на стене между окон, попросили дом и Вебсика перенести нас на море, но ничего не произошло. Вторая попытка оказалась удачной. Все произошло так неожиданно, что я упустил границу перехода. За спиной вдали возвышались горы, на них морщинами лежали голубые и синие тени, а освещенные солнцем склоны ярко белели на фоне высокого с едва заметными облаками неба. Перед нами было то же море, тот же обрыв, только было тихо, внизу лениво горбились и шелестели у берега волны.

– Получилось, – прошептала Влада. – Мы опять тут.

Она подошла к краю обрыва и посмотрела вниз.

– Ой, скорее! – она вдруг схватила меня за руку. – Смотри, его же унесет обратно, бежим!

Я толком не понял, куда и зачем бежим, но понесся за ней следом. В пене прибоя мы увидели на берегу человека. Он лежал ничком в пене прибоя, когда я осторожно его перевернул на спину, и мы увидели грязное в ссадинах лицо, то Влада схватилась за мою руку. Это был Слава.

Я машинально огляделся, надеясь найти какие-нибудь следы, но влажная кромка берега была чиста. Только наши. Правда, в воде около его ног уже размывались две каких-то лунки. Были ли это следы и чьи, понять уже невозможно. «Судя по тому, как он лежал, – пронеслось у меня в голове, – он будто упал сюда с высоты».

Мы оттащили тело от воды. Влада приоткрыла ему веко и вроде увидела реакцию зрачка на слепившее солнце.

– Он теплый, – прошептала она.

Я попытался услышать сердце, но не смог. Стали делать искусственное дыхание. Влада изо всех сил растирала и давила грудную клетку.

Я уже выдохся, когда она ликующе выдохнула:

– Есть... сердце...

Через некоторое время Слава сам открыл глаза. Нас он не узнал. Взгляд у него был странный и пустой, но он был явно жив. Я вытянулся в изнеможении на гальке. Влада еще что-то делала над отцом, потом присела со мной рядом.

– Он без памяти, – тихо сказала она. – Но он живой... Теплый... Как нам вернуться? Но он ли это?...

Она запнулась и испуганно посмотрела на меня.

– Но, этого же не может быть...

– Тут – может, – устало сказал я. – Это мир наших желаний. Мы оба хотим, чтобы он был жив – вот он и жив. До него этот мир нам помог быть вместе, помнишь? Вебсик же говорил, что человек может гораздо больше, чем думает о себе сам. Древние религии считали человека созданным Богом «по образу и подобию своему», правда, это порой понималось превратно. Знаешь, что такое счастье? Совпадение желаний.

Я посмотрел в сторону Славы. Он лежал неподвижно, но глаза были открыты и редко моргали. Грудь чуть заметно поднималась и опускалась. Ладно, пусть лежит...

– Ты хочешь сказать, что это море, берег, прибой – наши фантазии?

– Желание – это не всегда фантазия, – возразил я. – Желание – это гармонизация бытия. Любовь, например, гармонизация, каковой ты и являешься для меня. Вебсик и дом создают этот мир желаний для нас, понимаешь?... Меня не покидает ощущение, что испытательный

срок на две недели, назначенный Михом, это не формальность. Нас и наши желания тут испытывают. Тут хорошо, а нам учиться надо, не забыла? Ты готова захотеть вернуться?

– А папа как?

– А вот и посмотрим. Тут он жив – это главное. И тут ему ничего не угрожает больше. А сможет ли он перейти с нами обратно, я не знаю. Надо все обсудить с Вебсиком и с Мартой. Судя по логике, тут мы не можем своим желанием вернуть ему память, это может только он сам. Если он перейдет с нами, то там вся надежда на Вебсика и диагноста. Так, – скомандовал я. – Беремся за руки и страстно желаем вернуться.

Влада подчинилась, не сказав ничего в ответ. Мы взялись за руки, и какая-то теплая волна притянула нас, сливая во что-то единое целое. Когда, наконец, мы оторвались друг от друга и открыли глаза, то обнаружили себя снова в гостиной. Славы с нами не было. Был Пусь, страшно довольный нашим возвращением.

Откуда-то снизу донесся крик Марты. Она звала нас.

Когда мы выбежали с Владой на улицу, то прямо у порога дома увидели стоящую на коленях Марту, перед которой разведчик опустил уже знакомое нам тело Славы. Безжизненное. Марта, а точнее – Джека, нашла его у водопропускной трубы под полотном железной дороги, метрах в четырехстах от серпантина. Судя по повреждениям, его бросило туда с большой высоты. Смотреть было страшно, и я поскорее увел Владу.

Кухонные роботы усвоили прежние уроки и аккуратно перенесли тело на стол в залу рядом с комнатой Марты. Признаков жизни я своим сканером не нашел.

Вспоминать про море не хотелось...

– Я останусь здесь, – тихо сказала Марта. – Можно?

Я кивнул головой и закрыл тело простыней.

Скоро должны были прилететь с грузом близнецы. Им мы еще ничего не рассказали.

Я взял у Марты личный кристалл Славы и вставил его в мегаинформаторий. Пусть Вебсик поищет досье про башни сперва.

Из кабинета был хороший вид на старую крепость и всю долину за ней. Завораживали дали и нежные пастельные краски дымки, в которой они скрывались у горизонта. Небо было цвета топленого молока, а земля перемежалась разливами зеленого всех оттенков, бурого, синего... Сама крепость только поначалу казалась темной, почти черной, словно обугленной пламенем, присмотревшись, можно было и на ней увидеть разные краски. Не хотелось ни о чем думать, а просто вот так бездумно стоять и смотреть на живущий и не ведавший наших потерь мир...

– Красиво, – задумчиво сказала Влада за моей спиной. – Дядя Петерс здорово рисовал такие виды... Я ведь и рисовать умею. Дядя Петерс меня учил немного. Но музыка мне больше нравилась. Я на синтекристалле играю. Хочешь?

Не дожидаясь ответа, она вытащила из кармана синий синтекристалл на цепочке, надела ее на шею, взяла кристалл в левую руку. Правая рука сперва прикрыла кристалл ладонью, потом начала незаметно над ним двигаться. Возник тихий печальный звук, он шел из той дымчатой дали и оседал на крепостных камнях, словно роса... Импровизация завораживала, но Влада вдруг оборвала ее.

– Папа любил слушать мою игру, – сказала она и расплакалась.

Близнецы на двух коптерах привезли и выгрузили перед домом партию оборудования. СБ оперативно развернула базу поддержки за перевалом в санатории. Там почти у самой земли над Великой тропой у перевала в защитном поле оставили проход для коптеров. Мы им рассказали свои грустные новости. Показали тело. Близнецы сказали, что заберут его с собой и похоронят мэра с соответствующими почестями официально. Мы составили акт об обнаружении тела и все подписались. Марта решила ехать с ними, Влада наотрез отказалась оставлять меня одного тут.

Вот так мы тут и остались с ней вдвоем с двумя нашими бравыми «собакисами». Один из коптеров близнецы оставили нам на случай «панического бегства», как выразился Ион.

У них тоже были новости. Пропала связь с исследовательским танком в Соловье. Тем самым, который мы видели на платформе. Теперь оттуда поступал минимум информации, но гравитационные измерения показывали, что активность «шарах» снижалась, что давало надежду на возврат к контактными исследованиям и уже привычной жизни. Привезли они и довольно тощее досье про башни, которое я сейчас, сидя за терминалом, просматривал. Досье от Вебсика пока не трогал – по объему оно было в разы больше. Близнецы увезли копию записей Славиного личного кристалла.

Влада ушла «плескаться». Да, забыл сказать, что близнецы привезли Владе официальное согласие на дистанционное прохождение профотбора. Похоже, что она не намерена с этим тянуть. Она сама напомнила, что на Луне дети развиваются быстрее, чем на земле, там год за два считается, и на самом деле ей уже «биологически» давно за восемнадцать, к этому времени нормальные люди уже вторую профессию имеют помимо профотбора, и тянуть просто некуда. А я-то все гадал, откуда она у меня такая взрослая...

В голове у меня скреблась эта задачка с двумя-тремя Славиными телами. И предчувствие, что не с последними... Решать уравнение, сколько трупов может быть от одного человека, было малоинтересно. Тем более, что человек мне нравился, и я хотел бы, чтобы он жил, а не хоронился время от времени. Но зачем там, на море, мы его спасли и оставили живым? Я вспомнил, что сканер показал странное время смерти – пару часов назад и никаких признаков разложения. Опять что ли муляж?..

В досье близнецов на башни было два примечательных момента. Один – по программе Европейского космического агентства, когда примерно полтора века назад группой молодых ученых был совершен прорыв в биотехнике, и они предложили идею освоения планет саморазвивающимися биотехническими системами. В досье были рисунки очень похожих сооружений. За полвека работы они сделали натурные образцы и вывели их на «полевые» испытания. Потом все заглохло. Второй проект был азиатским и сугубо земным. Речь шла о создании биотехнических систем для освоения пустынь и труднодоступных районов. Тоже заглох. В проектах были башни-матки и разведчики-краулеры, очень похожие на то, что имели мы.

Досье Вебсика начиналось с проекта подготовки Первой звездной, для которой строились автоматические станции сразу несколькими корпорациями – американскими, немецкими и японскими, плюс был объявлен конкурс частных проектов, на который было подано десятка два макетов. Потом Вебсик «нарыл» сведения про некую индийскую группу «шамбалистов», которая разрабатывала биотехнический комплекс для исследования гималайских пещер и пещерных городов. Эта группа создала прототип «мозга», который превращал лабораторных крыс в исследователей подземелий и такой крысо-технический комплекс ими был испытан. Среди рисунков был вид крысы с очень знакомым по виду обручем на голове... Хм...

Далее шло сразу два проекта Института Времени. В одном из них предлагалось в момент сжатия пространственных складок и образования переходов между ними использовать для разведки станции, которые остались невостребованными после закрытия звездных проектов. Группой экспертов был подготовлен соответствующий доклад и передан на рассмотрение Института. Вторым был проект по обороне от неких «времен». Нет, это не то...

Завершало досье Вебсика сообщения о том, что Евразийская масонская ложа двести пятьдесят лет назад заслушала доклад группы своих членов о возможности защиты знаний путем сохранения разумов и проведении эксперимента в районе некоего старого замка.

«Ну, масоны у нас уже засветились тут, – подумал я. – Почему бы и нет? И про какой старый замок идет речь – не ясно».

Я протянул руку и взял папку со старым письмом. Пока я его перечитывал, подошел Путь и положил мне на колено свою усато-бородатую мордашку с ровно подстриженными Владой бровями.

– Вот, – сообщил я псу, почесывая его за ухом, – доцент Кобелевич аж триста или больше лет назад читал повесть своего деда-масона про старый замок, а вы с Джекой два часа назад отгрызли ухо замечательному тигру, находясь тоже у старого замка. Чуешь параллели?

Путь чуял. И мотал хвостиком.

– Вебсик, – позвал я нашего консультанта по всем вопросам. – А повести этого деда Кобелевича нигде не сохранилось?

– Запрос принят, – отозвался Вебсик.

Все, я хочу спать. И Влада как раз вернулась снизу. Гасим свет.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Я проснулся рано и тихо лежал, прислушиваясь к спокойному дыханию Влады и размышляя. В доме что-то тихо гудело, наверное, пылесосы выползли из своих ниш на уборку, иногда тонко повизгивали во сне наши собаки. Им что-то снилось. Владе тоже что-то снилось – во сне она улыбалась.

В окно начинал осторожно вползать рассвет.

Я решил, что важнее всего будет закончить начатую позавчера беседу с Вебсиком. Он явно намерен нам сообщить нечто принципиально важное. Внеземных «братьев по разуму» мы тщетно искали уже несколько веков, по сути дела Вебсик предлагал другой путь их поиска. Меня не оставляло в покое его замечание о «живых» шарах, ну, в самом деле, почему бы не допустить, что это какая-то иная форма жизни, которая ищет контакта и познания нашей? Да и сам Вебсик тоже... Вот и уже есть два «контакта» – и мы на переднем крае. А если подумать и перебрать возможные комбинации... Интересно, Институт Времени рассматривал ли ситуацию в таком ракурсе? В Церне тогда просто не удержали «темпоральный мост», сорвалась энергоподпитка, не могло ли это открыть дверь и впустить в наш мир и Вебсика, и «шарах»? Вполне могло. Вот зачем тут малопонятные переносы башни со стеной и щебнедробилки? Случайные или побочные эффекты?

С другой стороны, не могли ли мы сами, своими действиями, их породить?

Я осторожно встал, сунул ноги в шлепки и вышел из спальни, намереваясь спуститься в подвал к бассейну – у воды почему-то думалось легче. За мной, сонно зевая и потягиваясь на ходу, поплелся Пусь. Мы с ним уселись на бортике бассейна, я спустил в воду ноги и потревожил ее гладь. Вода была прохладной и голубой, поднятые мною волны замирали где-то у дальней стенки, на которой видеообои изображали далекие горы.

– Вебсик, – окликнул я. – Продолжим беседу?

Вебсик отозвался не сразу.

– Информирую, – сообщил наконец он. – Повести деда Кобелевича не обнаружено. В кристалле Вячеслава Серегина есть некоторые интересные идеи и аналогии. Он предполагал, что «шарахи» – это аккумуляторы энергии искаженного пространства, которые по какой-то причине не могут вернуть его из гиперсостояния в нормальное для данной вселенной время. Они могут взрываться и устраивать извержения как земные вулканы. После взрыва «шараха» исчезает, распадается. Энтропия.

Другая его мысль – о поиске прототипов стены и щебнедробилки в вершинах равностороннего треугольника, сторона которого равна расстоянию от Церна до Соловья, находит косвенное подтверждение. Щебнедробилка такого вида запечатлена на фото начала двадцатого века в Швейцарских Альпах, стена с башней – в одном из городов Русского Севера. До наших дней не сохранились.

– Спасибо, – вздохнул я. – А замок откуда? Из времен короля Артура?

– Замок – это часть древнего города, некогда стоявшего на этом месте. Он частично обнажился при терраформировании, остальное расчистили археологи.

– А легенда о древней битве?

– Не было ее тут. Был торговый путь из древнего Востока. Великая тропа – его остатки. На ней когда-то был город.

– А почему археологи его оставили? Расчистить и забыть памятник – странно.

Вебсик не ответил.

В мою руку сзади ткнулся холодный нос. Пришла Джека. За ней, закутанная в халат, появилась сонная Влада.

– Вы что здесь? – поинтересовалась она. – Не спится вам?

– Не спится, – согласился я.

– Я вчера подумала, что схожу с ума, – пожаловалась она. – Мы же с тобой схоронили папу... И вдруг такое... Что это все значит? Он будет жить там? И умирать тут?..

– Хотел бы я знать, – усмехнулся я. – Марта предположила, что в первый раз мы нашли муляж. Пустышку. И стала искать сама с Джекой. Нашла вот... – Я помолчал. – Ты б пошла, выпалась бы? Думаю, что мы к башням пройдем, посмотрим, тоннель Марта вроде проделала вчера...

– Я знаю, – кивнула Влада. – Только мы не пойдем туда. Пошлем разведчика.

Видимо курс, который она слушала, настроил ее на осторожный лад. Правильно, нечего нам лезть, сломя голову... Вот только какие сенсоры у разведчика?

– Вебсик, – спросил я. – Разведчик может передать тактильные ощущения? Как биоскафандр?

Биоскафандры – это такие исследовательские костюмы, я надевал подобный во время раскопок на свалках, очень удобно для опасных сред. От радиации они не защищали, конечно, но от всяких газов и мерзких запахов – вполне. И тактильные ощущения в перчатках передавались. Такие костюмы обычно входили в стандартные наборы оснащения исследовательских групп.

– Не предусмотрено, – ответил Вебсик. – Но параметрия полная. Можно восстановить в виртуальной реальности.

– Я хочу с утра пройти этот профотбор, – вдруг сказала мне Влада. – Разрешение есть, чтобы не висело над душой. Ты как думаешь?

– Ты вроде на биокибернетику хотела?

– Сейчас уже не знаю, куда точно хочу, – сказал она. – Голова пухнет от всего. Но чувствую, что тянуть не стоит. Наверное правильное в «хроники», как папа... А потом уже разбираться с тем, чего сам хочешь...

– Ну, судя по нашему обучению, нам профподготовку без всякого отбора проводят. Так что это может быть просто формальность в нашем случае. Пройди эти тесты, конечно, ничем не рискуем. Кроме потери времени на них. А сейчас давай все-таки идем досыпать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.